

Вячеслав **Малежик**
портреты

и прочие художества

Вячеслав Ефимович Малевич

Портреты и прочие художества

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17043352
Портреты и прочие художества: ЗАО «СВР-Медиапроекты»; Москва; 2013
ISBN 978-5-905667-18-3*

Аннотация

Во второй книге Вячеслава Малевича основной акцент сделан на прозу. Есть в ней стихи и тексты песен, написанные после выхода первой книги «Понять, простить, принять...».

Автор неизменно открыт, всегда распахнут. И в прозе его, в откровенных и тонких рассказах, проявилось редкое умение щедро любить мир и людей, сохраняя юношескую романтику, высокую ноту тепла, широты, светлой нежности и трепетной надежды. Поэт Александр Смогул назвал Вячеслава Малевича высоким лирическим голосом России. А теперь он еще умный и тонкий прозаик.

Содержание

От автора	4
Колобок	5
Отец	6
Письмо к другу	13
Смогул	16
I	17
II	19
III	21
IV	23
V	24
VI	26
Секс, наркотики, рок-н-ролл	28
О строительных работах на дороге в ад	33
Охота	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вячеслав Ефимович Малежик

Портреты и прочие художества

От автора

...Я думаю, мои рассказы и размышления имеют некоторый журналистский оттенок, пусть это вас не смущает. Я столько раз давал интервью, что поневоле сбиваюсь на этот стиль. Кого-то из героев своих «портретов» я называю своими именами, кого-то вымышленными. Мои близкие наверняка их узнают. Что-то я недосказал, что-то придумал. Но это мои портреты, а если вы посчитаете нужным, то «нарисуйте» моих героев сами, только не подписывайте на моих картинах усы и не делайте им «силиконовой пластики».

Зачем я этим занимался, то есть зачем я работал летописцем Нестором? Вы знаете, после того как я подержал в руках свою первую книгу, я «заболел», и захотелось еще... Чего еще? Да того самого... Кайфа от того, что в руках держишь результат своего труда. Хотите сказать, что Интернет сожрет «книгу». Может быть, но с этой, мне кажется, я еще успел, а там поживем – увидим.

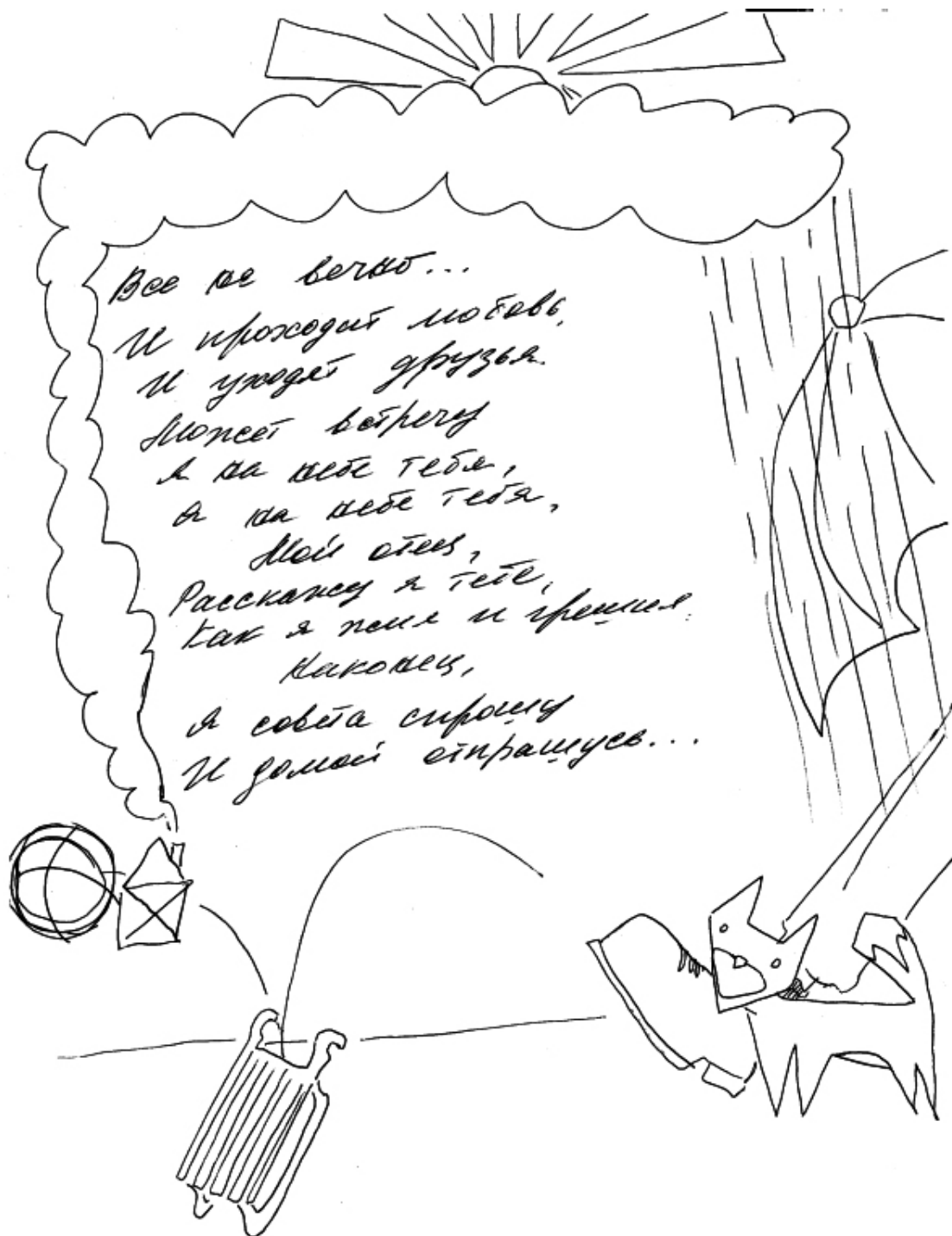
Колобок

*Не наскрести по сусекам стихов,
Чтоб из них смастерить Колобок.
Не успел совершить я грехов,
Чтоб начать вакханалию строк,*

*Что опишут, как я, ты и мы
Оттянулись, проснулись... Зачем
Мне по книжке разгадывать сны,
Будто нету праведных тем?*

*Смастерю, что не знаю и сам,
Компоненты, что надо, не вру.
Все, что вспомню, вам я раздам,
Честнослово, my darling, it's true.*

Отец

Как ни отмахивался я от написания мемуаров, все-таки неправильно будет не сказать ничего о моих родителях, о тех людях, которые произвели меня и привели в этот мир. Отец мой, Ефим Иванович Малежик, «упертый хохол», как его величала моя матушка, если он чем-то, по ее разумению, провинился, появился в Москве в тридцать втором году, стало быть, 17–18 лет от роду. Как он сам рассказывал, бежал в Москву от голода с Украины, от голода,

который разыгрался то ли от повсеместной коллективизации, то ли... ладно, пусть об этом историки рассуждают, «взрывая» архивы и пользуясь оценками свидетелей и очевидцев.

– Я приехал и пришел в Москву в одной галоше, добираясь до столицы около месяца, – рассказывал отец.

Почему в одной? Где потерял вторую? Почему эту уцелевшую не выкинул? Этих вопросов у меня никогда не возникало во время рассказа отца. Думаю, природная бережливость не позволила выкинуть уцелевшую правую галошу, а может, так было теплее...

– А потом, когда я приехал в Москву, то поступил на курсы, обучавшие парней шоферскому делу. Ночевал под лавкой на Киевском вокзале.

– А на что жил?

– Да на что придется... Кому-то чемодан поможешь поднести, вечером что-то разгрузить... А что я еще умел? Так и выучился... И вот сорок лет за баранкой. Поэтому учись, сынок, учись.

Вопрос, а не подворовывал ли ты, я ни разу не задал, да и не приходил он мне в голову. Отец закончил полтора класса сельской школы в Белоусовке, что в Полтавской области, а затем до самого побега в Москву жил обычной жизнью деревенского мальчишки, пасшего скот и помогавшего на огороде, косившего траву и так, «принеси-подай», когда дед Иван Семенович что-то делал по хозяйству. Так вот, я думаю, крестьянское и христианское воспитание сидело в моем отце так глубоко, что вряд ли он мог что-то стянуть. Хотя, кто без греха? Кстати, он не курил.

– Однажды отец, – рассказывал он мне, – почуял запах табака от меня. Дальше он принес махорки и заставил меня докуриться до такого состояния, что меня стало рвать. После этого желания курить у меня уже не было.

А автомобиль отец любил и вообще был работающим и хозяйственным мужчиной. Деньги давались тяжело и «пахал» Ефим Иванович, как раб на галерах, особенно в первые годы, когда он трудился на грузовых машинах и на каких-то посыпалках-поливалках. Я, как водится, будучи совсем ребенком, в своих играх подражал ему, и моей любимой игрушкой была маленькая машинка без кузова. Вместо кузова я приделал два спичечных коробка (ну, та часть, в которой лежали спички, другая часть, где была поверхность для высекания огня, мне была не нужна). Короче, я один коробок вставлял под углом в другой и затем это сооружение ставил на платформу моего грузовика-калеки. Воображения моего хватало, чтобы представить, что я работаю на посыпалке. И я весь день рычал и издавал звуки, довольно похожие на газующую и выжимающую сцепление автомашину. Хотел ли я стать шофером? Да нет, наверное... Я и не думал тогда, кем я хотел бы быть.

Папа меня любил, хотя разговаривали мы с ним редко. Может, он уставал, а может, стеснялся своего русского языка... Как я сейчас понимаю, это был даже не суржик, а вообще, какой-то свой язык, в котором упрямо жили свои словечки – настойчиво торчит в памяти «часнык». Но он меня баловал, и я знал это и пользовался. Если мать упиралась и не выполняла мою просьбу (а я в достижении цели был занудливо упрям), то мой посыл менял направление, и отец не выдерживал моей ноющей интонации и говорил:

– Пущай, Нина, купи малому эту игрушку.

И Нина покупала, бормоча, что нельзя так баловать детей. Игрушкой я играл от силы час-полтора, а потом она на веки вечные убиралась под кровать, а я возвращался к своей любимой машинке-посыпалке.

Вообще отец меня не наказывал. Хотя был строгий, но то ли так меня любил, то ли еще почему, но выволочек от отца я не помню. И ремнем или (чем еще?) мокрым полотенцем, например, никто меня не колотил. Хотя один раз я получил не ремнем, а резиновой полоской. Отец подшивал валенки и сидел на табурете. Я играл рядом на полу, мне было лет пять. Около табурета валялись дратва, валенок, шило, клубок ниток и воск. Отец нагнулся, и его

пятая точка аппетитно (наверное, этот термин больше подходит для описания эротических чувств, но тем не менее именно аппетитно) обрисовалась его брюками. Не знаю, какой черт рулил моей рукой, но я со всей силы всадил шило... Удар резиновой заготовкой был практически моментальным. Было очень больно, уже на моей заднице была полоса, но я не пикнул, и потом мы минут пятнадцать просили друг у друга прощенья.

Нужно сказать, что ранний побег отца из Белоусовки в Москву не позволил ему освоить многих деревенских профессий, например: отбить косу и покосить по утренней росе траву, это – нет... Да и поймать, оседлать или запрячь в телегу лошадь – это опять не про него. Кстати, я тоже этих деревенских навыков не освоил. Но нужно отдать Ефиму Ивановичу должное, работы он не чурался, и весь отпуск чего-то там прибывал, красил, перекрывал крышу, заготавливал дрова на зиму. Так что бабка Евдентия была затем довольна. Но когда все нормально, то так и надо, а когда что-то происходит не так, то это оставляет след в памяти.

Дрова в той, считай, послевоенной деревне чаще всего заготавливались из валежника, который каким-либо образом доставлялся из леса. А в тот раз, выполняя задание любимой тещи по заготовке дров, отец приметил здоровенный сухой сук на ветле, которая стояла недалеко от дома. И я, возвращаясь домой с пруда, увидел почти хрестоматийную картину – мой папаша на дереве, на высоте четырех метров от земли, пилит сук, на котором сидит.

– Папа, что ты делаешь?

Ответа я не услышал, потому что треск дерева, грохот от его падения и от падения моего отца заглушили ненормативную лексику, которая, впрочем, не была для меня новинкой. Отец пару недель хромал, ссадина на локте не заживала тоже какое-то время, но когда мы распилили, раскололи и сложили в дровницу эту отцову добычу, бабушка, пожурив, сказала ему:

– Ты уж лучше побереги себя...

– Да ладно тебе, ма...

Не знаю, почему бабушка в конце августа решила зарезать нашего борова (обычно свинью кормили до ноября). Может, хотела перед школой нас побаловать. Она спросила отца:

– Ну что, хохол, свинью зарезать сможешь?

– А чего там сложного? – ответил отец.

– А ты когда-нибудь колол поросенка?

– А чего трудного? Нож под лопатку – и готово... Ты мне его поддержишь, ма?

И они отправились «на дело». Пошли и мы: я, сестра и два наших двоюродных брата. Боров обитал в загоне скотного двора, основную часть которого занимала корова. Все зрители, пройдя по стеночке, чтобы не вляпаться, заняли места в «партере».

Бабушка и «палач» зашли в загон к поросенку. Что мы чувствовали? Да скорее всего любопытство – с поросенком мы почти не общались и, когда оказывались на «дворе», ни разу не смогли поймать его взгляда. Борька был не любознателен, а может, скромн и глаз своих на нас не поднимал. И вот все готово: бабушка дала ему хлебушка с солью и чесала его за ухом. Борька блаженно закрыл глаза, а отец коварно прицелился... Отзвучала барабанная дробь, зрители замерли, и отец нанес кинжальный удар... Но отсутствие опыта, отсутствие целкости, секундное волнение... Не знаю, что, но удар пришелся не под лопатку, а в нее самую... Мне кажется, что я услышал звук от соприкосновения ножа и кости. Борька завизжал от боли и от людского коварства и, сметая бабушку и отца, вырвался из загона на территорию нашей коровы Дочки и, как дрессированная лошадь, начал наматывать по хлеву круги.

– Ну, сделай же что-нибудь! – закричала теща, бабушка и кормилица нашего Борьки, да и наша кормилица.

Отец отложил нож и со всей решимостью вышел на поединок. Поросенок, поднимая на поворотах море брызг, пролетел мимо отца. А когда он мимо нашего «пикадора» пролетел во второй раз, отец, неожиданно для нас всех, а может, и для самого себя, бросился, как футбольный вратарь, в ноги к прорвавшемуся нападающему. Нет, даже не так... Американский футбол – игрок нападающей команды ушел в отрыв, и сейчас ему удастся приземлить мяч в зачетном поле, и тогда игрок защищающейся команды в отчаянном броске под ноги атакующему пытается спасти положение. Но наш боров оказался проворнее Ефим Ивановича и, прорвав оборону противника, вырвался на волю. А отец смешно растянулся в этом... ну, в этом, чем еще поля удобряют. Но смеяться было некогда, да и нельзя – влетело бы... И вот боров, истекая кровью, отрывается от своих палачей, стремясь уйти на оперативный простор. Я до этого никогда не видел, как мой отец бежит, – ну не занимались мы вместе спортом, а всякие там «Папа, мама и я – это дружная семья» еще не придумали.

И вот отец бежит за Борькой, за ним целая вереница ребят и девочек. Я думаю, что если бы сняли фильм по этому непридуманному сценарию, успех был бы не меньшим, чем у фильма «Пес Барбос и необыкновенный кросс». Почему-то запомнилось, что отец бежал прихрамывая. Может, это была свежая травма после его героического броска, не знаю... Но Борька, который тоже не занимался спортом, а еще лишенный органов, отвечающих за мужественность и спортивный дух, вскоре выдохся. И мы его настигли, и отец обнял его, а мы какую-то веревку привязали к шее «смертника» и привели его к дому.

– Не, ма, не буду я его резать, ну его к черту.

И Борька пошел к себе «на место», а отец пошел на пруд отстирывать себя и свои впечатления. И поросенку была дарована жизнь – как в средние века, казнь дважды не совершали.

А поздней осенью бабушка позвала деда Игната, который был специалистом в этой области. Он пришел со своим инструментом, и к зиме бабушка в очередной раз заготовила солонины.

Юхим – так называли отца все наши украинские гости, иногда приезжавшие в Москву, привозя традиционное сало и колбасу, кендюх и что-то там еще – сейчас и не вспомню. Но, наверное, Юхим звучало в Москве чужеродно, и даже Ефим почему-то не прижилось. Звали отца во дворе, да и в Занино, Юркой или Юрий Иванович, а я, стало быть, был Вячеслав Юрьевич. Я тоже не спорил. Мне вообще не нравилось Ефимович, а еще больше не нравилась моя фамилия – Малежик. И я мечтал, что когда доживу до совершеннолетия, возьму фамилию Силаев – такую фамилию носила моя матушка по первому мужу, а дед по материнской линии был Петров. Но когда я вырос, то мне уже нравилось быть Малежиком, да и Ефимович не ломало.

А отец Ефимом стал снова, когда устроился работать шофером в шведское посольство. УПДК – Управление по обслуживанию дипломатического корпуса – ныне очень престижное место работы, куда можно попасть по большому благу. Как мог туда попасть мой отец, мужик без образования, беспартийный? А так и попал, потому что был без образования и беспартийный. Установка была такая – ну, не мог партийный и образованный прислуживать «проклятым капиталистам». Короче, не было бы счастья, да... И я помню, как мать заполняла анкету – отец не отважился это делать сам, как они шепотом, чтобы не слышали соседи, обсуждали перспективы будущей работы. Вообще всеобщая шпиономания, а может, только в наших Лесных переулках, была стилем жизни.

Долгое время никому не рассказывалось, что Юрка поменял работу и что зарплата стала более-менее... А может, и правильно – никто не сплетничал и не завидовал. Лишь лет через пять отец отважился приехать на обед в наш двор на «вольво» своего «хозяина», как он называл своего шефа.

Про работу он никогда ни мне, ни друзьям, ни родственникам не рассказывал, как-то хитро уходил от разговора. Это потом я понял, что он «ходил» под тремя начальствами. УПДК, КГБ и непосредственно шведы. Этакий тройной агент. Как уж он крутился, Бог знает. Видно, правильно говорят – где хохол прошел, еврею делать нечего. И только уже на пенсии, под большим секретом он мне рассказал о двух «шпионских» операциях, но это не мой секрет и пересказывать вам его не буду.

Праздники. Мы, дети, ждали их с нетерпением. Что-то вкусное, может, мы в гости, может, они к нам, а потом вечером на улицу Горького. Праздничная толпа, лампочки зажигаются и гаснут и, наконец, здание телеграфа, традиционно ярче всего украшенное этим световым пиршеством. Открыв рот, мы смотрели, как светом рисовались плотины гидроэлектростанций, и вода падала вниз, как чудо-трактор пахал социалистические поля. И дети, сидя на плечах родителей, восторженно размахивали флажками и крутили игрушку «уйди-уйди», по громкости и противности звука сопоставимую, может, с вувузелой, что дудела на чемпионате мира по футболу в ЮАР.

И, наконец, салют. Конечно, нынешние фейерверки несравненно лучше, но тот, почти религиозный восторг, что испытывали и дети, и взрослые, невозможно описать. А толпа есть толпа, и однажды, когда мне было четыре года, мы попали в передрагу. Количество людей зашкаливало все пределы. Я был на плечах у отца, мама крепко держала сестру за руку, и мы молча шли с Красной площади домой. По сосредоточенному лицу отца я понимал, что что-то не то. Через много лет папа сказал, что он больше всего боялся споткнуться и упасть. Больше до салюта мы не доходили и после телеграфа возвращались домой.

Толпа... Опять непонятно, зачем, хотя как я могу, шестилетний, судить о чувствах взрослых. Смерть Сталина. Помню объявление по радио, помню (а я уже умел читать) сообщение в газете «Правда», помню, как мы с мамой пошли на площадь Белорусского вокзала. Угол Бутырского вала и Лесной, мы стоим и вдруг со всех сторон раздались гудки заводов и фабрик и многие в толпе заплакали. Мама заплакала тоже.

– Мама, почему ты плачешь?

– Жалко дедушку.

Я не понял, дедушку Сталина или ее папу, но не отважился спросить.

И в нашем дворе люди стали собираться в Колонный зал, поклониться телу вождя. Пошли и мы. Двое взрослых и двое детей, пешком пошли в сторону центра. Дошли до Пушкинской площади, а потом повернули в Козицкий переулок. Толпа прибывала, и где-то в середине Козицкого дорогу нам перегородили автомобили с солдатами.

– Не надо туда ходить...

– Мы хотим Сталина посмотреть, – сказал я.

– Вот здесь проходной двор и, пока не поздно, уходите.

И родители послушались солдат и проходными дворами выскочили на бульвар. Никто еще не предполагал, какая давка будет и в Козицком и дальше и сколько жизней будет положено на алтарь похорон вождя в тот день. А пока мы шутили:

– Слава, а ты помнишь, как два года назад после посещения мавзолея ты спросил часового: «Мы посмотрели дедушку Ленина, а где нам посмотреть теперь дедушку Сталина?»

– Помню... А почему он тогда мне ничего не ответил?

– Но он же – часовой, – отвечала мама, – и должен молчать, охранять свой пост.

Сейчас я взрослый, но боязнь толпы все равно сидит во мне, и, по возможности, я стараюсь избегать ее. Ты перестаешь быть хозяином своей судьбы и оказываешься во власти стихии. О двух событиях, связанных с людской давкой, хочу вам поведать.

Мне двенадцать лет. Стадион «Динамо». Наши играют с тбилисцами. Я прорвался без билета на стадион. Аншлаг, и сразу же после окончания игры я рванул к выходу. Меня,

маленького пацана, зажали здоровые мужики, и я только чудом выскочил из этой мясорубки и уже на трибуне дождался, когда очередь рассосется.

Вторая, уже смешная история. Опять футбол. В перерыве игры решил сходить в туалет. А на стадионе туалет устроен так, чтоходишь в одни двери, а выходишь в другие. Наверное, это сделано, чтобы увеличить пропускную способность специально отведенного места. Ну так вот. Уважаемая публика протащила меня через богоугодное заведение, не позволив приблизиться к «родникам». Я вылетел наружу, не справив нужду и потеряв все пуговицы на моих плаще и брюках. Возвращаясь домой, придерживал штаны руками.

Своего деда, отца моего отца, я видел дважды. Мне было лет пять, когда Иван Семенович приехал в Москву. Он был пострижен под ноль и имел пятидневную щетину. Говорил по-русски нездорово, и я не всегда его понимал. Он был ко мне добр, и до сих пор я помню, как сидел у него на коленях. А еще мы ходили в фотоателье, и нас усаживали для группового фото, потом детям, мне и сестре, сказали, что сейчас вылетит птичка, и эта фотография до сих пор стоит у нас на даче. Дедушка, красивые мама и папа и маленькие сестра и я.

Фантазии и возможности отца были скромнее, чем у меня, когда я встречаю своих гостей, нынче. Поэтому запомнилось, как мы с дедом ходили на Красную площадь и как отец меня пугал, перенеся через парашют набережной Москвы-реки, что, дескать, отпустит... Я от страха даже не мог реветь, а дед строго говорил:

– Прекрати, Юхим!

Дед маялся от безделья и хватался за любую работу. И однажды моя сестрица попросила его наточить коньки. Иван Семенович добросовестно отнесся к поручению и наточил на бруске их так, что ими можно было разделявать мясо, шинковать салаты, но только не кататься на катке. Ему никто не объяснил технологию заточки коньков.

Много лет спустя, уже будучи студентом, я посетил Белоусовку. С отцом и мамой мы жили в доме деда. В доме, где родились мой отец и две его сестры – Мария и Параска.

– Ох, диду, у тебе, Славику, дуже лукавый, – сказала одна из соседок старшего из живущих на тот момент Малезиков.

А отец для меня в той поездке открылся... Ищу слово, чтобы объяснить, как именно открылся, и понимаю, что он для меня просто открылся. Я увидел, как он умеет дружить, как умеет любить, как умеет петь и выпивать. А дед? А дед был строг, смотрел, чтобы был порядок и чтобы помнили, что он еще главный в доме.

Сейчас вспомнил еще... Где-то зимой, перед нашим приездом, дедушка написал письмо, в котором просил прислать ему каких-то дефицитных таблеток от давления. Мы подняли на ноги всех своих знакомых, и таблетки в каких-то почти промышленных количествах были отправлены в Белоусовку. Дед, наверное, считал, что чем больше их съешь, тем лучше. Он их ел горстями.

– Ивановна, все-таки горилка – лучшее лекарство.

– Почему, папа?

– Ну как же? Выпью я этих лекарств ваших и дуже погано себя чувствую, а потом горилочки выпьешь – и опять орел.

– Так вы небось высокое давление делали низким? И ноги, поди, мерзли?

– Да ничего не мерзло... Горилка не позволяла, – отвечал дед, не чувствуя иронии мамы.

Два события запомнились особо. Запомнилось, как отец вместе с дядей Иваном и всеми своими сверстниками после застолья вышли во двор и запели. Я, к этому времени закончивший музыкалку, могу заверить, что это было впечатляюще. Я не думал, что вне стен всяких там консерваторий люди поют так – на голоса, стройно, чувствуя партнера и, несомненно, получая удовольствие от процесса.

И второй эпизод. Я иду по Белоусовке... Кстати, Белоусовка – родина великого украинского философа Сковороды. Ну так вот... Иду по селу и слышу хоровое песнопение, думая, что это включили радиоточку. Но вдруг из-за поворота появляется грузовик, в кузове которого сидят бабы с граблями и вилами и поют хором песню.

Знаете, прошло много лет, да я могу посчитать сколько... двадцать пять. И мне почему-то стала сниться Белоусовка, где я был до этого один раз и всего десять дней. Деда уже к тому моменту не было в живых. Не знаю, то ли это зов предков и крови, то ли воспоминания из той первой поездки... Но что-то волшебное в этих сновидениях было. И я съездил в Белоусовку из Киева во время своих очередных гастролей.

– Ой, Славику, який же ты сивый... – сказала титка Мария мне, когда я вышел из автомобиля, – и как же ты похож на Юхима.

И я понял, что «сивый» – это седой. А сивый мерин – тот, что борозды не испортит.

Мне стало приятно, что я похож на отца. Он был красивым мужчиной, красивым человеком. Упертым хохлом и нежным отцом, обязательным и надежным. А как его любили женщины... Сейчас я понимаю, что матушка ругалась на него и обзывала хохлом, дураком упертым, потому что любила его и ревновала. Сейчас я понимаю, что тетя Нина из двора искала пути, как подъехать к батяне, когда говорила:

– Славка, а когда мамка уедет в деревню?

– Скоро...

– А отец в Москве останется?

Сейчас я понимаю цену комплиментам, которые просила передать через меня тетя Полина.

– Передай отцу, что он самый красивый и что, если надо что...

Но я ничего не передавал и жил, окруженный любовью матери, сестры и, конечно же, «упертого хохла» – отца.

Но вернусь чуть-чуть назад.

Заболел дед. И прислали телеграмму, чтобы Юхим приезжал прощаться. И отец поехал... А Иван Семенович взял и выздоровел. По дороге со станции отец зашел поздороваться с сестрой Марией, не зайдя вначале в дом деда, своего отца. И дед его не впустил в дом, и две недели Ефим Иванович жил у сестры, и только перед отъездом в Москву он был помилован. Иван Семенович допустил до себя моего отца.

Когда я женился на своей жене Татьяне, с которой мы, слава Богу, живем уже больше тридцати пяти лет, я не пришел к своему отцу за благословением. Если честно, то я и не знал, что, по обычаю, надо спросить его волю... Он обиделся, хотя сам же меня этим правилами и не выучил. Он долго дулся... Но время вылечило эту его боль... И сейчас, обнаруживая в себе самодурство и упрямство, я вспоминаю Ефима Ивановича и Иван Семеновича, и мне становится легче, и я пытаюсь найти контакт со своими детьми.

– Детки, если уж я совсем засамодурю, вы вспомните – я ж тож хохол упертый... Да и вы тож... Отож!!!

Письмо к другу

*Вновь приходит смерть, чтоб свести с ума
Тех, кто ей пока не приглянулся...*

Н. Соболева

Знаешь, Леха, ты в общем-то нечестно поступил, свалив от нас на тот свет и оставив нам кучу дел, которые без тебя будет ох как трудно разгрести. Не по-товарищески это, не по-пацански... Ты, которого я считал старшим братом, хотя ты был моложе меня почти на пятнадцать лет, так подвел нас. Ты – наша надежда и опора, и вот тебя нет. Ты был у нас ВСЕГДА, и мы не представляли, что это вот так может кончиться в один миг. Почему? Чувство ответственности было твоим вторым Я. Как так произошло? Да Бог его знает...

Впрочем, я и сам кое о чем догадываюсь. Все-таки ты, так рано потеряв отца, почти мальчишкой взвалил на себя этот громадный груз ответственности за себя, за маму, Валентину Петровну, за Аньку, за женщин, которых любил ты и которые любили тебя и которых приучил к тому, что мужчина берет на себя решение проблем. И ты решал их, эти проблемы. Сначала свои, а затем и проблемы друзей и даже проблемы тех, кто к тебе обращался. Правда, профессия у тебя такая – Доктор!!!

И ты, следуя клятве Гиппократы, стремился не только не навредить, но и старался помочь. И часто не нужны тебе были скальпель, нашатырь и далее по списку... Тебе хватало простого слова, участия, готовности примчаться в любой конец страны, чтобы спасти... Таких людей мало, если они вообще есть. А как ты умел любить!!! Леха, я поставил в конце предложения не вопросительный, а три восклицательных знака. Ты любил и не ждал за это расплаты, ты любил, потому что это был твой образ жизни.

Леха, если бы ты видел, а я думаю, что все-таки видел... Так вот, если бы ты видел, сколько людей пришло тебя проводить в последний путь, ты бы понял, как оценили твой труд и как тебя любили и любят. Знаешь, в слово «труд» я вложил и понятие любовь. Говорят, что любовь – это Бог. И я ставлю знак равенства, ну хорошо, знак тождества между тобой и любовью. Я слышу, как ты говоришь: «Прекрати, не богохульствуй». Но я надеюсь, что моей рукой водит вдохновение... Ну, хорошо... Господи, прости, что я так высоко поднял своего друга Гераськина Алексея Вячеславовича и за то, что помянул Имя Твое, Господи, все...

Так вот, я продолжаю. Твоему успеху, прости, Леха, опять какое-то дурацкое словечко выскочило... Хорошо, признанию, оценке твоего труда я немного завидовал. Извини, заговариваюсь... Но я пытаюсь быть честным... Ладно, лучше продолжу о тебе, о живом... Леха, знаешь, наверное, фраза «Что Бог ни делает, все к лучшему», применима и к твоему уходу от нас. Я уверен, что все задумались о тленности бытия и все, вспомнив о тебе, захотели быть лучше. Но трудно быть таким, как ты... Где взять столько энергии, чтобы сгенерировать (от слова «генератор») столько любви, сколько было у тебя? И ты ее не раздавал маленькими порциями, а наливал по полной, а если надо, то еще наливал добавки.

И это ты (!) сделал как-то так, что твоя баня на даче стала клубом, куда приходили разные люди со своими грехами и болячками, и ты их лечил как психотерапевт, как пастырь. Наверное, не зря обряд крещения связан с водой, не зря у мусульман происходит ритуальное омовение... Вот так и твоя баня, даже не так – Твоя Баня исцеляла, и начало скольких благородных дел было положено в Бане у Лехи. Помнишь, как ты и Батура (как ты там, на небесах, еще не встретился с ним?) придумали вместе со мной провести концерт в Тучкове, чтобы помочь строительству Тучковской церкви? Помнишь, как я предложил зрителям жертвовать

деньги и складывать в чехол от гитары? Был аншлаг, я помню, что из этой акции получился не просто концерт, где спели я, Володя Батура и прочитал молитву отец Сергей, а получился концерт-исповедь. И зрители пожертвовали деньги, положив их в гитарный чехол. Их там оказалось даже больше, чем выручено было от продажи билетов.

А тот же Батура, пусть пухом земля ему будет, этот сорви голова Батура в очередной раз бьется на автомобиле. Леха, и ты, как медсестра на войне, вытаскиваешь его из Рузской больницы, где Володю было некому, да и нечем спасать, и, подняв на уши всех знакомых, переводишь его в Голицыно, в первоклассный военный госпиталь. Вовку спасают, и ты, именно ты, подарил ему еще несколько лет жизни. Интересная штука – жизнь.

Сколько раз ты меня просил:

– Слава, привези к нам на дачу, ко мне в баню Михаила Исаевича Танича.

– Леша, да он устал от подобных предложений.

– А ты все-таки привези.

И я уже договорился с дядей Мишей, как ты его называл, и он почему-то дал добро, чтобы приехать. Леха, но вот ведь жизнь... Ты с ним познакомился без моих рекомендаций. Это справедливо, скажи, что ты с ним с живым разговаривал позже, чем я? Справедливо, я тебя спрашиваю? Наверное, все-таки справедливо... Ты хотел с ним познакомиться так сильно, что Бог отправил тебя к нему, больному, делать уколы. Кстати, у вас там, на небесах, собирается неплохая компания... Но, извини, я думаю, ты нас поймешь, мы с ребятами еще покоптим на земле. У нас у всех еще остались неразрешенные пока проблемы.

А ты видел сколько слез было? Знаешь, я первый раз плакал по ком-то после смерти своего отца. Даже уход своей матери я пережил легче. Я думаю, ты видел, что я спел твои любимые «Лето нашей любви» и «Яблоки падают», когда мы поминали тебя на девятый день. Знаешь, не было ощущения, что я делаю что-то не так. А когда я запел песню «Отцу», то не мог отделаться от чувства, что пою о тебе. Помнишь строки:

Как тебе на небе живется?

Кто твои друзья?

С кем тебе там пьется-поется?

Знаешь, я с трудом их, эти строки, спел, я с большим трудом удержал слезы. Прости, Леха. Твоей мамы уже не было. Ее отвезли домой, а мы что? Слезы очищают.

Ты знаешь, когда я приезжаю на дачу, автоматически всплывает вопрос: «Интересно, Леха приехал?»

Мы – все ребята – даже устроили один раз баню по твоим рецептам, но, наверное, это была уже другая баня. А так, мы тебя помним, хотя «опустела без тебя земля». Не грусти там без нас, парняга (как тебя называл мой тесть). Хотел написать, растопи для нас печку, но потом пришла мысль, что печка эта в аду, а ты, я уверен, находишься в раю. Короче, подожди нас, дружочек, а мы постараемся свои грехи замолить или отработать – и прямиком к тебе. А свидимся, нет ли – решать не нам.

За сим до свидания, дорогой, Алексей Вячеславович.

* * *

Ты не дождался «конца света»,

Ты устроил для нас его сам,

Как нам жить без тебя – нет ответа,

Без тебя суета и хлам.

*Без тебя нам не в радость дача,
Без тебя черно-белый свет.
Ты был друг мой, моя удача,
Только жив я, тебя-то нет.*

*Ты лечил нам и душу, и тело...
Расскажи, как теперь без тебя?
А душа моя не отболела,
Ну, а песни со мною скорбят.*

*Видно, на небесах тоже трудно,
Ведь такие, как ты, – дефицит.
Без тебя будут грустными будни,
А что мы так грустим, Бог простит.*

*Потерпи, Алексей, чуточек,
Мы к тебе прилетим, не вру.
Закупи нам пивка пару бочек,
Мы подрулим однажды к утру.*

Смогул

*Я умер за всех, кого убили,
Не научившись жить среди живых.*

А. Смогул

I

Апрель 1971 года. МГУ, столовая № 8, что расположена в парке на территории университета. Вот уже пару лет в помещении общепита по выходным дням администрация ВУЗа вместе с комсомольскими властями устраивает здесь вечеринки для студентов на которые приглашаются известные, во всяком случае в молодежной среде Москвы, бит-группы, а также в рубрике «встреча с интересными людьми» не менее популярные молодые поэты и барды. Этакое пиршество гитарной музыки. Обычно жанры выступающих не смешивают, и вообще-то миролюбивый антагонизм поклонников тех или иных музыкальных течений не выплескивается наружу. Эти посиделки пользуются большой популярностью в Москве и являются предметом обсуждений у «продвинутой молодежи» того времени. Всеми правдами и неправдами парни и девушки стремятся попасть на очередной сейшен. Некоторым везет, а большинство (молчаливое большинство) остаются в парке у стеклянных дверей столовки.

Мы – ансамбль «Мозаика», как большую честь оказываем друзьям или случайным знакомым, набирая группу парней, которые помогут нам перетащить аппаратуру с химфака МГУ в «восьмую». Аппаратура – это пара больших красных самодельных звуковых колонок, тяжеленный пульт, барабаны, микрофонные стойки. Если удавалось, то мы ловили какую-либо автомашину, чаще всего автобус, а нет, то короткими перебежками все это доставляли на руках. Но никто из наших биндюжников не был в обиде, потому что мы и сами – Слава Кеслер, я, Шура Жестырев, Юра Чепыжев – участвовали в процессе доставки аппаратуры к месту выступления, тщательно стараясь не кантовать при переноске.

Выступление в университетском кафе было в формате концерт-танцы, и поэтому это действо продолжалось часа четыре. Причем, повышая градус вечеринки, в конце мероприятия мы играли в основном рок-н-роллы, которые мы со Славой Кеслером голосили в верхнем регистре. Это уже было не пение, а практически крик. Фраза «этот вой у них песней зовется» сейчас легко трактуется именно как агонизируемое пение в последней части университетского пати. А тогда...

А тогда мы, возвращаясь домой, по дороге к метро друг другу отваливали комплименты: что я хриплю, как Литл Ричард, а Кеслер в «Bad boy» спел перед проигрышем интереснее, чем Джон Леннон. А до этого по знакомому маршруту мы доставляли аппаратуру назад на нашу базу – химфак МГУ. Мы не боялись что кто-то, сняв девчонку, исчезнет и не поможет. Во-первых, лишаться нашей благосклонности никто из ребят-добровольцев не желал, а во вторых – общение с музыкантами накоротке добавляло парню авторитета в глазах девчонки. Правда, была опасность, что на нее кто-то положит глаз из музыкантов, но то ли мы были увлечены своим рок-н-роллом, то ли понятие дружбы... В общем, ни трагедий, ни комедий Шекспира не возникало...

А утром горло не пело, да и не говорило, но было убеждение, что к выступлению все пройдет. И все проходило. И мы снова пели, и снова был рок-н-ролл на грани срыва. Любопытно, что из-за проблем с голосом я ни разу не сорвал выступлений во времена самостоятельного музицирования. Более того, я нарастил мышцы на своих вокальных связках и до сих пор использую свои вокально-стеклорезные способности на концертах и записях.

Мой дружок Юрий Валов творчески подошел к моему опыту. Когда он решил развить свой голос и стать не только лидер-гитаристом, но и певцом, он каким-то образом притащил в свою квартиру, которая была чем-то средним между складом и ночлежкой, телефонную будку. Затем он задрапировал эту будку одеялами, подушками и чем-то еще звуконепропускаемым. Короче, получил «музыкальную шкатулку» из фильма про резидента. Помните, как героя М. Ножкина пытали? Так вот, Валов забирался в эту будку и орал в ней что было мочи,

как в лесу. И что? Добился успехов... Во всяком случае, хит «Голубых гитар» «Ветер северный» ему удался. Ну так вот...

Апрель 1971-го... В этот раз устроители отошли от своей традиции и смешали жанры. В первом отделении концерта в столовой № 8 пел какой-то бард, а во втором, плавно переходящем в танцы, играли мы. Будучи поклонниками и потребителями зарубежной музыки, мы не очень-то вслушивались в то, о чем и как поет этот парень в свитере, с умеренно длинными волосами и в очках с очень приличными линзами. Я сейчас думаю – насколько же мы были заиклены на своих особах, что, даже когда парень зацепил нас во время своего выступления, мы не поинтересовались, как его зовут. Уже потом, через много лет я его вычислил, а тогда... Правда, он тоже смутно представлял, кто после него будет играть. Я думаю, что он просто ушел и не слушал нас...

А мы? Мы сидели в зале, трепались и ждали, когда этот очкарик закончит мучить, как нам казалось, зрителей и уступит место нам. Но потом произошло то, что заставило нас включить свое внимание. Парень у микрофона закончил песнопение и сказал, что он почи-тает импровизации. Я, как, впрочем, и ребята, сталкивались с этим только в классической литературе. Мы были переполнены иронией и считали, что дуриловка по отношению к нам уж точно не пройдет. По радио, в газетах пусть, а так... не-е-е. А в это время зрители давали на сцену записки (мы-то понимали, что специально заготовленные). Но нас-то не обдурить.

В записках были темы для будущего стихотворения либо анкетные данные автора записки. И «наш бард» читал, рифмуя и раскрывая тему. И тогда я решил его срезать. Мы пели еще в составе ансамбля «Ребята» песню на стихи Андрея Сайчука «Марш». И вот я процитировал эту песню и послал на сцену записку с началом будущего стихотворения.

*Четко и гулко движется полк,
Катится ряд за рядом,
Человек человеку – волк —
Ружья, готовые рявкнуть.*

Мы снисходительно ждали. И вот, поправляя на носу очки, импровизатор читает мою записку. Короткая пауза, но никакого замешательства на лице. И он продолжил... Продолжил стихотворение, по-своему раскрывая тему. Но это было здорово. Мы были ошарашены. Сейчас я жалею, что не записал импровизацию. Но, во-первых, я не ожидал от него такой прыти, а во-вторых, у меня не было бумаги и ручки, да и не обладаю я скорописью. Для красного словца можно было бы сейчас досочинить это четверостишье, превратив его в нечто монументальное, но не буду... Случай этот отпечатался в памяти и до поры до времени пребывал в ней, заполняя один из файлов.

II

Февраль 1983-го... Нет, все-таки 84-го, потому что Никита, мой старший, осенью пойдет в первый класс вместе с двумя Машками, дочерьми двух героев следующего эпизода моего рассказа. В это время я вел планомерную осаду радио и телевидения, вернее редакторов, формировавших музыкальные программы. Ваня Денежкин – клавишник ансамбля «Пламя», где я тогда служил, пообещал меня свести с Ирой Масловой.

Ирен работала на телевидении в отделе, освещавшем дела в нашей славной Советской армии. В программе, которую мастерил Маслова, появлялись артисты, рассказывавшие о своих взаимоотношениях с армией, а затем что-то пели, читали, юморили... Я начал мечтать о съемках. Вскоре Иван дал мне телефон Иры и сказал, что она не против познакомиться с артистом, который еще и придумывает песни.

– Только, знаешь, Ирка любит мужиков, так что ты уж... – напутствовал меня Денежкин.

Сказать, что я безумно целомудрен, пожалуй, нельзя, но, с другой стороны, разбрасываться организмом просто так не хотелось. Я заблудился в своих рассуждениях – буду плох как мужик – плохо; хорош – как соскочить? Но «взялся за гряды – говори что-нибудь». И я позвонил Ирине Сергеевне. Оказалось, что она живет по соседству. Свидание у нее дома было назначено на завтра. У меня был подарок – канистра разливного вина из Молдавии, и я с гитарой, канистрой и букетом цветов отправился покорять судьбу. Но, к счастью, профессию жиголо осваивать не пришлось.

Когда я вошел в квартиру Ирен, там сидел какой-то мужик. Судя по всему, они неторопливо допивали бутылку вина, и мое появление с канистрой было как нельзя кстати. Ирина Сергеевна была хороша собой. Статная, высокая, длинноногая, в какой-то кофтуле, которая очень складно сидела на ней так, что одновременно закрывала ее немаленькую грудь и в то же время давала понять, что под ней, ну под кофтулей, есть кое-что. Я даже чуть расстроился, что не смогу проверить стойкость своих бастионов из-за гостя.

– Тургенев, – представился «мой соперник», похожий одновременно на итальянского актера Тото и на Шурика из «знатоков» в исполнении Леонида Каневского. – Владимир, – через паузу добавил он.

– Полина Виардо, – молвил я, – Вячеслав!

Прелюдия была закончена, и мы приступили к дегустации содержимого канистры. Все-таки вино способствует установлению контактов. Через час мы были уже закадычными друзьями, нашли кучу общих знакомых. Наконец, меня попросили спеть. Я вытащил гитару из чехла, а Маслова и Тургенев стали редакционным советом. Неспешно потягивая вино, они молча курили и слушали мои песни.

– Не, это не Смогул, – со значением говорил Тургеша.

– Ну почему Смогул? В этой песне есть свой шарм и не нужно ему быть похожим на Смогула.

Я не решался спросить, «а что или кто такое Смогул». Поскольку диалог Ирины Сергеевны и ее гостя даже не позволял проявить некомпетентность мою в этом вопросе.

– А вот эту песню я, пожалуй, поставил бы в один ряд с лучшими образчиками творчества Смогула, – вынес свой вердикт Тургеша, со значением гася сигарету в пепельнице.

– Наверное, ты прав... Поступим так. Послезавтра ты, Слава, придешь в Таманскую дивизию и споешь для солдат маленький концерт. Мы его поднимем, затем я тебе задам несколько вопросов – ты на них ответишь, и мы все это смонтируем. Понял?

– Понял!

– Наливай!

Так началась наша дружба с Иркочкой Масловой и Володей Тургеневым. Вскоре мы дружили семьями. Оказалось, что осенью наши дети должны пойти в первый класс. И две Машки и Никита вместе учились в сорок первой школе, а мы до сих пор не теряем друг друга из виду, хотя и разъехались в разные концы Москвы.

Квартира Тургенева была своеобразным клубом, где постоянно что-то отмечали и засиживались за полночь. Я уже стал там своим и даже имел репертуар, который костяк гостей тургеновской квартиры мог подпеть.

Кстати, идея альбома «Любимые песни нашей компании» возникла в этой квартире. Было желание сделать на записи этакое псевдозастолье с хорошим несрепетированным песнопением при минимальном аккомпанементе. Хотелось записать Наши песни. Но я решил еще парочку подсочинить, в итоге завелся и записал пластинку новых песен. А название осталось.

Время от времени возникала волна – приедет сегодня Смогул или нет. И он долго не ехал. Я был заинтригован и вот... Во время одной вечеринки где-то в полвторого ночи раздался телефонный звонок.

– Сейчас приедет Смогул, – молвил хозяин квартиры.

Через полчаса в квартиру вошел среднего роста лысый дядька в костюме и, что меня удивило-рассмешило-умилило, в щегольски повязанном шейном платке. Под одной рукой у него была зачехленная гитара, под другой – деваха, которую я не сразу разглядел, так как ее длинные волосы закрывали лицо, а еще потому, что наш новый герой с ней непрерывно целовался взасос. Тактичная публика долго не могла оторвать Александра (так звали нашего барда) от приятного дела. Наконец он откашлялся, попросил налить, а затем начал петь. Играл он на гитаре с семиструнным строем. Сразу стало ясно, что он большой поэт, хотя музыка, сопровождавшая его стихоизложения, была, скажем так, необязательная – можно спеть так, а можно и эдак. Он пел что-то про романтику, про Сибирь и что его никто не поймет, если не жрал собаку в походе, собаку, которая до этого смотрела на тебя доверчивыми глазами. Воздействие от его пения было мощное, но после четвертой песни захотелось либо напиться, либо рвануть на свежий воздух. Но Смогул (как я потом выяснил, это был его псевдоним, обозначающий что-то из казахского фольклора) закончил свой песенный сет, взял под мышку гитару и Людмилу и, не переставая целоваться, ушел в ночь.

III

Оказалось, что мы со Смогулом соседи. Иногда мы встречались, а потом все чаще начали заходить друг к другу в гости. Как порядочный мужчина, поцеловав женщину, он женился на Людмиле. Выяснилось, что он совсем не ходок, а с Людмилой у него, я думаю, был какой-то гормональный всплеск, поэтому они и устроили у Тургеневых эротик-шоу. Мы стали друзьями, но иногда Александр злоупотреблял дружбой.

Это были уже беспокойные годы с бандитским флером. И когда среди ночи раздавался звонок в дверь квартиры, причем настойчивый звонок, открывать не хотелось. Тем более что глазок на двери не позволял увидеть, кто звонит за второй дверью у лифта. В конце концов воля собиралась в кулак и открывалась сначала одна дверь в предбанник, а потом вторая. За ней, как правило, стоял выпивший Смогул.

– Старичок, извини, я поистратился... Дай денег заплатить за такси.

Проклятия были бессмысленны, урок все равно не усваивался, и вскоре история повторялась снова.

Но он писал, писал здорово, и, конечно же, я, да и моя жена, прощали его. Он почти не видел, поэтому получал какие-то деньги за инвалидность по зрению, еще что-то зарабатывал на концертах бардов. И тогда я решил его подбить к соавторству. Но он был беден и горд. Мои сребреники его не прельстили. И я, как опытный змей-искуситель, решил действовать через Еву. Уговорил Людмилу собрать мне подборку его стихов, и она повелась. Я прочитал все, что она мне принесла. Из двух различных коротких стихотворений я собрал песню «Пора прощания» и придумал к ней мелодию. Потом была «Улочки-переулочки». Я нагло дописал припев в эту уже готовую песню и спел по-своему. Наконец однажды вечером я позвал Сашку на кухню чего-то там продегустировать. Во время винопития я спел ему две песни.

– Старичок, а так тоже может быть. А то, что ты придумал:

*Эти улочки-переулочки
На краю родной земли,
Эти улочки-переулочки
Мы любили, как могли.*

– кайф. Песня по-другому зазвучала, стала объемней. Спасибо, старичок.

Я был польщен.

Как водится, сообщество КСП (клуб самодеятельной песни) поначалу не простило Смогулу ренегатства, а уж когда мы договорились, что он будет принимать участие в моих концертах, его заклеили как хриstopродавца. А Сашок расцвел. У него появился достаток, правда, любовь к выпивке... Ну, что ж, боролись как могли.

– Саша, ты, если выпьешь, не показывайся при коллективе мне на глаза (а я тогда гастролировал с группой «Саквояж»), потому что я, как шеф, должен буду принимать меры. Ты где-нибудь отсидись, а если что, то зрители не заметят, что ты не вышел на сцену.

Но он, как назло, выпив, появлялся передо мной, с трудом удерживая равновесие.

– Славок, я готов сегодня спеть на три песни больше. Ты не смотри, что я чуть-чуть дал винца.

– Твою мать, Саша.

Но я старался смотреть на это философски и даже извлекал из этого пользу. Однажды Смогул похвастался, что умеет читать импровизации. Это замечание всколыхнуло мои воспоминания, и я выяснил, что когда-то в столовой № 8... И с тех пор иногда в девять утра в моей квартире раздавался звонок. Это был мой соавтор.

– Я пришел почитать тебе импровизации... У тебя есть что-нибудь?

У меня, как правило, было... К десяти-пол-одиннадцатому бутылка убиралась со стола. А Санек читал... И однажды я решил, что не надо просто нагревать воздух, и придумал, как направить его энергию в мирных целях. Я начал придумывать темы для импровизации, а он тут же их воплощал в стихотворные строки. Так появились песни «Украденное счастье», «Больше, чем любовь», «Я, он, она и „Beatles“». Причем этот метод сочинения со Смогулом был единственно действенным. Я придумывал тему, а он... Так однажды (в этот раз не было спиртного) я повез его домой, и мы застряли в пробке у спорткомплекса «Олимпийский».

– Саша, смотри, автомобильная пробка; пробка в бутылке; женщину, если она глупая, называют пробка...

Через десять минут песня «Пробка» была готова.

Со временем Саша поумерил пыл по отношению к спиртному. Он как артист был нарасхват. И здесь сказались не только его музыкально-поэтические дарования. Просто его инвалидность по зрению позволяла администраторам как-то хитро оформлять документы, убегая от налогов. А мы дружили, и я его все больше узнавал.

IV

Это впоследствии с Масловой, Тургеневым, да и с самим Смогулом выяснили мы истоки неистоимой тяги Шурика к вранью. Как веселые байки, пересказывали его истории о том, как он воевал во Вьетнаме, как потерял ногу и теперь вынужден ходить на протезе. Обычно его зрителем и слушателем была какая-то восторженная дамочка из его почитателей. Причем она была в нашей компании «на новеньких» и поэтому попадалась на удочку достаточно легко.

– У меня вместо левой ноги протез. Смотри, – говорил Смогул и стучал по ноге.

Звук от удара кулаком по кости ноги, одетой в джинсы, был глуховат, но сказать, что это не деревяшка, собеседница нашего героя не могла. И он в ее глазах становился героем, а когда еще доверительно сообщал, что во Вьетнаме готовил спецназ, то Джеймс Бонд рядом с ним становился заурядным мальчишкой. Дама плыла, Смогул с «чувством глубокого удовлетворения» мужественно закуривал очередную сигарету.

Какой спецназ, какой Вьетнам-Афганистан-Ангола? Саша Смогул – смешной, далекий от спорта, полуслепой еврейский мальчик, зачем ему это было надо? А вот надо... И он снова расставлял сети, как паук, поджидая очередную жертву...

V

И однажды, понятное дело, на первом этапе нашего с ним знакомства, он, не обращая внимания, что я не пылкая воздыхательница, закинул свои сети в безграничные воды моей души. И, что интересно, сети могли прийти с богатым уловом... А дело было так.

В Раменках, где мы жили, в начале лета проводится плановый ремонт – профилактика системы водоснабжения наших домов. Неудобства жизни без горячей воды относительные, так как на улице тепло, даже жарко, и нет проблем принять холодный душ. Но все равно хочется в баню, где горячей воды в достатке.

Известность и, как одна из ее отличительных черт – узнаваемость, имеет, как и любое явление, две стороны. С одной... А с другой – ты становишься экспонатом, и тебя разглядывают, щупают, пробуют на вкус. Сначала это нравится, а потом ты понимаешь, что без этого внимания твоя жизнь будет ну, никак не хуже, чем под микроскопом.

И тут мне Смогул и предлагает:

– Старичок, а не сходить ли нам в баню? Как ты смотришь на то, чтобы нам погреть свои старые ревматические кости?

– В баню-то, конечно, хорошо. А это что, частная баня?

– Зачем частная? Усачевские бани, классный пар, там у меня банщик знакомый, так что пиво, лучшие веники – все для нас.

– Да нет, Саш, я не буду чувствовать себя комфортно.

– Да кому ты нужен? Пошли-пошли!

И мы пошли. Был будничным день, утро, народу не так много. Мы разделись и вошли в помывочное отделение. Еще не найдя себе место, не найдя себе шайку для мытья, мы со Смогулом шли, обозревая «поле сражения». И тут сзади нас я слышу мужской диалог:

– Смотри, Малевич...

– Ну и х...й с ним!

Произошло то, чего я подсознательно ожидал. Я проверил, все ли действительно со мной. Инспекция подтвердила, что все на месте, и я решительно потянулся к выходу. Смогул, слышавший все это, не удерживал меня. И я, не дойдя даже до душа, покинул Усачевские.

Но соавтор был упрям в достижении поставленной цели.

– Старичок, в Очаковских банях есть отдельные кабинеты, я должен тебя попарить, тем более это рядом с домом. Собирайся.

И мы отправились теперь уже в Очаковские бани. По дороге Санек поведал о том, как пять лет отучился в строительном институте, потом, как служил в Анголе в спецназе.

– Там-то я и потерял зрение. Вернувшись, работал около десяти лет прорабом на стройке.

Я все это слушал, лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Мы пришли в баню, начали раздеваться – и тут на теле своего соавтора я обнаружил татуировки. Это не были тату начала двадцатого века, но и не были рисунками на теле, похожими на воровские знаки отличия. Чуть выше запястья на левой руке был выколот большой нож, с которого стекали капли крови. А на груди был вытатуирован холм не холм, бугор не бугор, на котором стоял крест.

– Саша, а где это ты наколки сделал?

– А ты ничего не знаешь?

– Нет...

– Я срок мотал... Десять лет.

– За что?

– Ну, ты понимаешь, я на стройке прорабом работал... Так вот, там у меня под началом много всякого сброда было. А один каменщик, только что отмотав срок, откинулся и работал всего еще вторую неделю. И, представляешь, приходит он ко мне и говорит:

– Отпусти меня, начальник, мне надо...

– Доделай задание и уходи, – отвечаю я.

– Ах ты, жидовская морда, да я тебя.

А у меня лопата была, старичок, заточена как бритва. Я как дал!!! И разрубил его от плеча до яиц.

Я невольно вдавился в спинку дивана, на котором сидел, и натянул на себя простыню. Смогул потягивал пиво и, блестя очками, смотрел на меня, оценивая произведенное впечатление. Пауза длилась минут, да каких минут, секунд пятнадцать, а потом я начал соображать. Соображать и считать...

– Стой, пять лет института, пять Ангола и стройка, десять лет тюрьмы. Не сходится.

– А ты не считай. Все это х...ня.

Но он был и, к счастью, есть несомненно талантлив. Его пронзительные, неожиданные стихи, порой парадоксальные, порой грубо-лиричные, застревали в душе, заставляли перечитывать их и вчитываться.

Наверное, как утверждала его очередная жена Людмила, я в коктейль его стиха добавлял немного солнца своей музыкой и исполнением, снимая тяжесть безысходки от размышлизмов Смогула. Может быть... Во всяком случае, я думаю, мы были два полюса в нашем творчестве, которые обеспечивали движуху в наших совместных песнях.

VI

Сейчас Смогул живет на две страны. Он как еврей получил официальную возможность жить в Германии.

– Старичок, это Наша (с интонацией героя Павла Кадочникова из «Подвига разведчика») самая главная победа в Великой Отечественной, – говорил Смогул, намекая на чувство вины немецкого народа перед евреями за все Освенцимы, Бухенвальды и Варшавские гетто.

В Германии он получает какое-то пособие от правительства, жилье. Читает в учебных заведениях, где учат русский язык, о русской формальной и неформальной поэзии, поет концерты для русско-немецкой эмиграции. Он горд, что, будучи практически инвалидом, зарабатывает деньги, позволяющие ему чувствовать себя полноценным мужчиной. В России он считает себя «широко известным в узких кругах» литератором.

– Ты не обращал внимания, что все великие русские поэты евреи? Я, Женя Рейн...

Ответа от меня он, как правило, не ждал.

Мы с удовольствием встречаемся, пьем чай (спиртное ни-ни), сплетничаем, рассказываем друг другу, какие мы великие, и что молодое поколение... Расстаемся, перезваниваемся, читаем и поем друг другу по телефону новые песни, лишь изредка их критикуя. Очень редко пишем совместные песни. Схема все та же. Я даю задание, чтобы через пару часов получить стихи, на которые я придумываю музыку. Однажды я попросил его:

– Саш! Мне заказали песню, чтобы в ней герой объяснялся в любви. Но для органики (певец, для которого пишется песня, нетрадиционной ориентации), надо написать так, чтобы благочестивая публика не понимала, что мужчина объясняется в любви мужчине. Надо, чтобы все думали, что этот песняк для женщины.

Через пару часов он позвонил и продиктовал:

Я вас люблю
Так откровенно

...

Получился приличный романс. Но тот, кому он предназначался для исполнения, не «услышал» его, и с тех пор я его часто пою в своих концертах с неизменным успехом.

* * *

Ты придумывал сказки,
Иногда ты их издавал,
Ну, а врал ты так классно,
Что девчонок разил наповал.

Ты скакал на коне,
Расправлялся с лихими командос
И во время рассказа жил, как во сне,
Получая заслуженно гранды,
Что вручали в Кремле по весне.

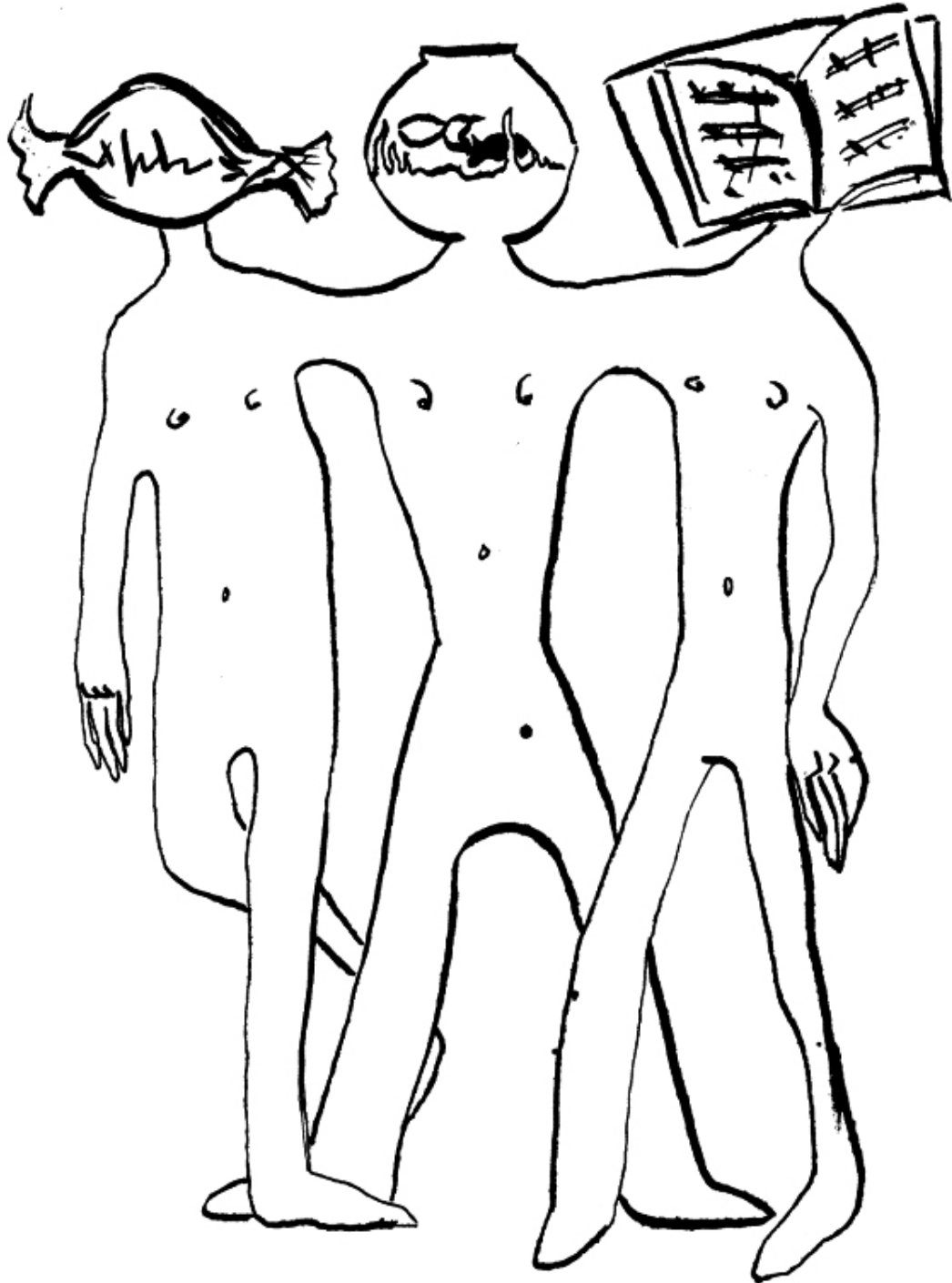
Ты летал на ядре,

*Опускался в пучины морские.
И девчонки сдавались тебе на заре,
Отложив все заботы мирские,
Не боясь, что в аду им гореть.*

*Ты артист,
ты – поэт,
ты – барон,
ты – пижон.
И у ног твоих тлеет Европа.
Ты – садист,
мазохист,
женский стон,
странный сон.
И в волненьи безудержный шепот.*

*А когда я однажды спрошу у тебя:
– Что ты врешь? И зачем тебе это?
Ты ответишь, в раздумье усы теребя:
– Это промысел мой —
превращать зиму в лето.*

Секс, наркотики, рок-н-ролл

Эта формула, по которой, как нам, поклонникам по эту сторону «железного занавеса», казалось, жили музыканты волшебной страны Рок-н-ролл. Сейчас-то мы понимаем, что зачастую многое из того, что мы находили (я имею в виду информацию) в польском журнале «Панорама» или в югославском «Свет социализма», в музыкальной передаче BBC или

«Голоса Америки», не соответствовало действительности. Там, у них, понятие «пиар» уже стояло в полный рост. Тем не менее мы проглатывали сообщения о том, что Мик Джаггер и Кит Ричардс арестованы то ли за хранение, то ли за употребление; Джим Моррисон, Дженис Джоплин, Джимми Хендрикс отошли в мир иной после передоза, а Брайан Джонс утонул то ли после очередного наркотического триппа, то ли... В общем, никто точно не знает.

У нас это тоже в те еще советские времена было. Мне рассказывали... Но сам я ни разу не попробовал, да и, если честно, ни разу не видел, как тяжелые наркотики при мне принимают. Правда, один раз был шанс. Мы с моим дружкой Володей Буре опоздали буквально на минуту, а то бы... Это был 1967-й год, и наша группа «Ребята» играла на танцах в школе на проспекте Вернадского. Володя, впоследствии лучший пловец страны, рекордсмен Европы, только что вернулся из загранки. В новой замшевой куртке, в фирменных джинсах, в замшевых же ботинках. Он сильно выделялся из толпы танцующих. Объявили перерыв, и мы с Буре отправились в туалет. Зачем? Да за тем... Когда мы в него вошли, сзади кто-то резко закрыл дверь на швабру. Мы не успели ни испугаться, ни понять что-либо... Брюки расстегнуть мы не успели тоже. Вдруг из-за перегородки у окна выходит парень с грязным шприцем в руках. Он долго вглядывается в мою физиономию и потом заплетающимся языком говорит:

– Это ты? Вы так классно поете и играете, а у меня (показывает на шприц) больше ничего нет. Извини...

Мы с Володией, забыв, зачем пришли в туалет, еще полминуты потоптались и вышли. Так вот это был единственный раз, когда я увидел шприц, который предназначался не для взятия крови на анализ.

А так я видел, как курили траву и мои коллеги музыканты, и просто знакомые с круизного корабля, когда мы были на экскурсии в Амстердаме. Да, наверное, когда я ушел из инженеров в артисты, я не проделал до конца путь из «ботана» до «богемы». Но жил я не в безвоздушном пространстве, и поэтому все-таки смешные события с этой самой составляющей случались.

Алма-Ата, 1988 год. Вместе с «Саквояжем» участвуем в больших гастролях по Средней Азии. Я свой сет отработал, на сцене Ю. Антонов. Стою, слушаю мастера. Ко мне подходит крупный милиционерский чин, думаю, не ниже полковника. Признание с его стороны в любви, а затем предложение угостить меня такой «травкой», которой мне еще не доводилось пробовать. Я отвечаю, что это будет чистая правда, потому что я и сигарет-то никогда не курил. Он посмотрел на меня, как на больного ребенка, и отошел. Восток – дело тонкое.

Последний концерт ВИА «Веселые ребята» в Душанбе окончен, и нас всех приглашают на торжественный ужин, приуроченный к успешному окончанию гастролей. Средняя Азия, традиционный плов... Учтивые хозяева очень часто справляются, нравится ли нам угощение, и особенно интересуются вкусовыми качествами плова. Всем весело, настроение боевое, все смеются даже над не очень смешными анекдотами и артистическими историями. Закончилось застолье. Расходились довольные друг другом. И только в аэропорту кто-то из работников душанбинской филармонии проболтался о том, что в плов была добавлена та самая конопля. Не буду распространяться и умничать, рассказывая, что конопляное масло... а марихуана используется... Даже если кто-то обвинит нас в аморалке, то за давностью лет этот грех спишем...

Концерт вместе с группой польских артистов в Калининграде, что на Балтике. Перед выступлением всем коллективом отправляемся на Куржскую косу – уникальное место, заповедник на берегу Калининградского побережья. Длинная, почти на 100 километров песчаная полоса, аж до Клайпеды, поросшая хвойным лесом. Ширина косы от 800 метров до 5 километров. Нас привозят в дикое местечко, где кроме необорудованных песчаных пля-

жей ничего нет. Мы купаемся, загораем, играем в волейбол. Короче, замечательно отдыхаем. Одно плохо, я получаю солнечный удар и чувствую это, когда уже пою на сцене стадиона.

Мой концерт тогда был построен таким образом: первая часть программы – это я с гитарой развлекаю публику. Потом примерно полчаса «Саквояж» и польская певица Ева Чижевска сменяют меня на сцене. А затем снова я, но уже с «Саквояжем», играю получасовую программу хитов, и с высоко поднятыми головами под бурные аплодисменты благодарной публики... Ну, вы понимаете... В этот раз все пошло по-другому. Солнышко так мне «вскружило» голову, что меня начало на сцене подташнивать. Во время поклона я попросил вызвать «скорую». Уходя со сцены, шепнул ребятам, чтобы они держались сколько смогут.

Приехала «скорая». Врач померила мне давление и вколола в вену какое-то лекарство. Я решил, что спою со сцены песню «Острова», объясню зрителям ситуацию и приглашу на завтра с сегодняшними билетами досмотреть концерт. Вышел на сцену, начал петь песню и вдруг на словах «Острова, где-то ждут нас острова», я почувствовал какой-то невероятный прилив сил. Я допел не только эту песню, но и все остальные запланированные. Успех был бешеный, мне казалось, что я никогда так не пел. Врачи «скорой» досмотрели концерт до конца, одновременно страхуя меня. Потом после концерта я допытывался, что это было за лекарство, на котором я работал значительно лучше, чем на АИ-95. Доктора врачебную тайну мне не открыли. Вот что значит клятва Гиппократова.

Алкоголь, наверное, можно приравнять к наркотикам. Но и с ним у меня долгое время отношения не складывались. Начинать я, как и все. Но однажды, а это было в десятом классе, после дня рождения своего одноклассника я почувствовал себя нехорошо. После этого я специально ходил в Ленинскую библиотеку, проштудировал всю литературу, касающуюся алкоголя и наркотиков, замучил себя до смерти и завязал на долгие годы. «Ботан» в полный рост. Хотя выпивающие граждане меня окружали постоянно, я был достаточно целомудренен годов этак до тридцати двух, когда моя жена объяснила мне, что я себя лишаю определенного удовольствия в жизни. А фраза, что вино – это кровь Христова, была достаточно сильным аргументом, чтобы я перешел в состояние «могу». Два забавных случая, связанные с моим умеренно-неумеренным потреблением алкоголя.

То, что вокруг меня выпивают, волей-неволей заинтересовало меня, и однажды я решил испытать, что же чувствует человек перебравший. Почувствуйте разницу – «человек разумный» и «человек перебравший». И вот я, следуя заветам своих великих соотечественников, которые прививали себе холеру и описывали, что они чувствуют, в один прекрасный вечер закупил в магазине большую бутылку 0,7 л вина под названием «Рубин». Затем была куплена большая плитка шоколада. И я отправился домой ставить эксперимент. В два приема я съел вино и шоколад примерно за семь минут. Дальше я пошел в комнату, включил телевизор и лег на диван. Диктор объявил, что матч между командами ЧССР и СССР на звание чемпиона мира по хоккею начался. Дальше я лежал на диване, вступал в переговоры с унитазом, отвечал на вопросы отца, вернувшегося с работы. Причем мое реноме непьющего человека было столь высоко, что отец ничего не заподозрил. Наверное, в своих ответах я был убедителен. Магнитофонная пленка о беседе с отцом и воспоминания о матче, который я слушал «широко открытыми глазами», оказались пустыми. Практически ничего не отпечаталось. Возвращение в реальность произошло со словами диктора: «Итак, игра закончилась со счетом 4: 1 в пользу советских хоккеистов». Какие сделал выводы? Думаю, убедился, что выпивка в одиночку – это болезнь под названием алкоголизм, а возлияние в хорошей компании – это как хорошая приправа для дружеского застолья.

У меня есть добрые друзья в США. Причем это американцы – двое из которых настоящему влюблены в Россию, в ее культуру и традиции. И вот в 91-м команда из двух американских супружеских пар высадилась в Москве, и я решил приложить все силы, чтобы влюбить их в нашу страну. Еще в аэропорту Джеф, а именно он был «повернут» на нашей

стране, сообщил, что перевел на английский все мои песни, которые я ему переслал, и даже срифмовал их. А еще мне было объявлено, что посещение России не будет иметь завершённый вид, если он не выпьет «на троих». Не знаю, откуда он эту информацию зацепил, может, из фильма «Кавказская пленница», но он знал, что пароль для поиска компании – три пальца, делающие соответствующие движения. Отклик – те же движения будущего компаньона, теми же тремя пальцами. Джеф несколько раз напоминал мне о своем желании распить горячительное в компании со мной и еще одним незнакомцем. И вот я созрел для этой акции. Наш поход на рынок – четыре ярко одетых американца и мы с женой – тоже пара, на которую обращали внимание жители города. Я вообще производил впечатление человека, который выпрыгнул из телевизора. И спектакль начался. Должен заметить, что у меня на Черемушкинском рынке, где разыгрались эти события, был приятель, который торговал медом. Звали его Юра. Я попросил жену сделать отвлекающий маневр, а сам быстро рванул к Юре.

– Юра, помоги, друг.

– Что сделать?

– Надо сыграть спектакль «На троих», с пальцами, со всеми делами. Поможешь?

– Конечно.

– Держи деньги. У тебя есть кто-нибудь, кто сгоняет в магазин?

– Найдем...

И вот перед ошарашенной публикой популярный артист и высокий ярко одетый иностранец в возрасте идут между торговыми рядами, делая известные движения пальцами, сопровождая это в высшей степени независимым выражением лица.

– Джеф, смотри, – сказал я и указал на Юру, который тоже шевелил тремя пальцами.

Мы подошли к продавцу. Короткие переговоры увенчались успехом. Я достал деньги, Юра добавил свою пайку и какой-то его подмастерье рванул за спиртным. Было лето, жара, начало девяностых, в магазинах полное отсутствие присутствия. Вино было в бутылке 0,7, по-моему, даже без этикетки, но, «если я чего решил, то выпью...» Короче, Юра взял стакан, а по регламенту пить надо было в подъезде из одного стакана, и мы отправились в соседний дом.

Противное, теплое, липкое сладкое вино было выпито, причем попутно я Джефа научил, как надо закусывать «мануфактурой» (занюхивать рукавом). Джеф был в восторге – он прикоснулся к истокам культуры и традиций великой России. А я почувствовал себя гостеприимным хозяином.

Рок-н-ролл... Я за долгие годы жизни (помните Станиславского «Моя жизнь в искусстве»), скажем так, в развлекательном виде музыки ни разу не услышал определения, что же такое рок-н-ролл... Наиболее мудрые, те, которых величают патриархами, говорят, что это образ жизни. И дабы не оставить формулу «Секс, наркотики, рок-н-ролл» без одной из составляющих, расскажу еще одну историю, которую с большими допущениями можно использовать для раскрытия нашей формулы. Ну да, так мы жили, да таков был образ нашей жизни, а рок-н-ролл это или нет – судите сами... Барабан и бас были синтетическими, но драйва все равно было в достатке.

В 1979 году, вернувшись вместе с «Пламенем» из поездки на Мадагаскар, я привез с собой сорок незадекларированных долларов. Покупая себе кассетник, я жене ничего не успел приобрести. И вот эти доллары жгли мою душу и карман. И подоспела поездка в ГДР. Решено было там истратить мое валютное богатство. Но доллары незадекларированы, как их провезти мимо таможенников. Расширенный семейный совет, в который был включен Володя Буре, решил, что я проколюсь на границе – не гоюсь в нестигаемые разведчики.

– Да они тебя на раз раскусят; они же блестящие психологи, – сказал Буре.

– Что делать?

– Это ты уже сам решай.

Бессонная ночь, и я иду к отцу за советом. Кто не знает, скажу, что за эти несчастные доллары я мог стать невыездным на всю жизнь. И мы стали с отцом искать, где спрятать валюту. И нашли... Я снял струны на гитаре, затем разобрал звукозаписывающий аппарат, и в паз для съемника мы спрятали крепко спрессованные американские доллары. Потом звукозаписывающий аппарат и струны были водворены на место. Комар носа не подточит... если даже решат искать деньги в тайнике, поезд придется задержать минимум на час.

– И все равно, – сказала жена, осмотрев нашу работу, – лучше напейся пьяным, чтобы ты ничего не смог сказать лишнего. Это будет твоя двойная защита.

И вот я в поезде «Москва-Вюнсдорф». В этот вечер наш барабанщик Витя Дегтярев справлял день рождения и проставлялся. Я понял, что мне не надо решать гамлетовский вопрос «Пить или не пить?». Пить!!! И я неожиданно для всех потребовал налить себе полный стакан водки. Никто от меня такой прыти не ожидал, и все с интересом уставились на Малевича. Очень артистично, оттопырив в сторону мизинец, я съел содержимое стакана и промокнул салфеткой губы. Я не задыхался, не требовал срочно что-нибудь закусить... Нет, выдержав паузу в 10–15 минут, я ушел в купе и забрался на верхнюю полку. Я был уверен, что действия алкоголя хватит до границы. И артист уснул. Но организм, приняв небывалый объем алкоголя, отказался жить по моим правилам. Думаю, часа через полтора, алкоголь настойчиво вместе с дегтяревской капуздой и колбаской решили вернуться назад и что-то там высказать мне и нашему барабанщику. Я понял, что «не дотяну» до туалета и в качестве гигиенических салфеток стал использовать свое белье, носки и прочее... Потом я это все сгрел в кучу и пошел в туалет стирать в холодной воде. От водно-постирочных работ я протрезвел окончательно и бесповоротно. Зеленый от волнения я встретил пограничников. Когда они вошли, я не мог ничего сказать. За меня отвечала Ира Шачнева. Спасибо ей, ей-богу...

– Что, перебрал, гитарист? – спросил солдатик.

– Чуток, – это Ирина.

– Ну ты уж не увлекайся, поспи... – Был приговор бдительных часовых границы, вошедших в положение мужчин.

Но это еще не все... Потому что провезти деньги – это полдела. И в городе Карл-Маркс-Штадт мы с Ириной решили осуществить поход в интершоп за джинсами.

– Значит так, Малевич, ты свой мохеровый шарф сними, потому что все советские в мохере.

– Хорошо.

– Я первая беру на себя функции проводника к интершопу, а потом уж ты...

И мы пошли... Сначала Ирка повела нашу компанию контрабандистов-валютчиков, а потом я должен был уточнить нашу дислокацию и определить «направление главного удара». И я начал искать «языка», чтоб, пленив его, узнать азимут нашего движения. Я долго вглядывался в лица, в походку, в манеру одеваться прохожих. Я пытался найти человека, который говорит по-английски. Немецкого, кроме «гутен таг», я не знал. И наконец, я его вычленил из толпы, решительно подошел к нему и спросил:

– Sorry. Where is intershop? (*Извините, где находится интершоп?*)

– Чего-чего? – был ответ мне.

Надо бы еще про секс... А чего про него писать? Секс он и есть секс. Про него говорят, когда его нет. Поговорим поэтому потом, пока лучше им заниматься.

О строительных работах на дороге в ад

Мы сидели с Александром в одном из спортбаров города Сочи и неспешно вели беседу, потягивая пиво и изредка бросая взгляд на телевизионный экран. Там был перерыв матча команд, борющихся за европейские кубки. В эфире были «Новости»... В разделе «Спорт» диктор начал рассказывать о параолимпийском движении, о том, какое важное значение... о том, что лидеры нашего государства внимательно отслеживают... В общем, фразы, которые стали повседневными и перестали волновать...

– А ты знаешь, Путин мне предлагал быть одним из координаторов Параолимпийских игр в Поляне?

Саша – красивый, с лицом голливудского актера парень (а для меня все, кто моложе сорока пяти являются молодыми людьми), был прикован к инвалидной коляске. Но он был человеком, который не потерял ни себя, ни любовь окружающих к себе. Более того, то, как он боролся и жил со своим недугом, вызывало всеобщее уважение к нему, а то, как любила и млела его жена Наташа, – тема для отдельного рассказа. Успешный бизнесмен, Кулибин, в руках которого все горело, был стопроцентным мужиком, знающим, где и как заработать деньги и как эти деньги потратить, чтобы они принесли радость самому себе и близким. Потеря возможности самостоятельно передвигаться, хотя он сумел сделать все, чтобы своими проблемами не загружать близких, – результат глупого (а бывают умные?) несчастного случая. Саша решил подремонтировать автомобиль, влез под него, предварительно поддомкратив. Машина сорвалась с домкрата и придавила Александра, серьезно повредив позвоночник. Никакие врачи ни в России, ни в Германии, ни в Израиле не смогли ему помочь. Помогли близкие – любимая женушка, дети, друзья.

– У меня не было времени жалеть себя. Я работал, слава Богу, голова и руки не пострадали, компьютер – величайшее достижение человечества. Правда, пришлось сделать специальные съезды, чтобы выезжать из дома, а потом возвращаться в него. Но это мелочи. Знаешь, вот эти соревнования параолимпийцев – это не только для них самих. Это же пример для тысяч людей, теряющих ориентиры в жизни после травмы, после потери близких. Помнишь, в школе мы проходили «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, о Маресьеве, летчике, который потерял ступни и тем не менее сумел победить недуг и себя, да и окружающих его людей, и сумел сесть за штурвал самолета и взлететь в небо. А «Как закалялась сталь» Н. Островского? Сейчас эти книги проходят в школе?

– Думаю, что нет... – ответил я.

– Жаль... Так вот параолимпизм заменяет эти книги, дает людям надежду и наглядно показывает, что можно!!!

– Ты знаешь, здесь нужно говорить о комплексе проблем. Победа, человека, попавшего в беду, обусловлена не только его силой воли и усердием, с которым он борется с бедой.

– Несомненно.

– Причем часто окружающие, относящиеся к человеку, потерявшему какие-то функции организма, как к равному, делают значительно больше, чем врачи.

– А потом ты не забывай, что это люди напоминают, что ты не такой, как все. Ну, конечно, я и сам вижу, что все передвигаются без инвалидной коляски... Вот в книгах пишут, что человечество с течением времени потеряло способность общаться телепатически. И что? Да ничего, потому что эту способность потеряли все. Я, конечно, не призываю всех пересестись на инвалидные коляски... – сказал Саша и закурил.

– А помнишь у Чайковского в опере «Иоланта» принцесса была незрячая, и никто из окружающих не имел права ей об этом сказать? И до поры до времени она была вполне счастлива, – и я продолжил:

– У меня был в Гагре друг, к сожалению, он ушел из жизни... Его звали Миха. Обеспеченная армянская семья. В трехлетнем возрасте он переболел полиомиелитом, и нижние конечности перестали развиваться. С детства Миха стал неходячим парнем. Не знаю, как его воспитывали в семье. Думаю, что любили, но не жалели по каждому пустяку. А вот друзья, не знаю, как это осмысление пришло им в голову, вели себя в высшей степени правильно – с педагогической точки зрения. Они обращались с Михой, как с равным, наливали ему, брали с собой кататься на лодке, могли послать его, если он был неправ. Даже если снимали девчонок, то с расчетом, чтобы одна из дамочек была с ним. В итоге Миха, кстати, прозвище у него было – Костыль – и он знал это и не смущался, поступил в юридический, закончил его и успешно работал в юридической конторе. Для ребят он был третейским судьей, и, если были спорные моменты, шли в дом к Михе. Его вердикт не оспаривался.

– Ты знаешь, когда еще не было границ, у меня были интересы в Абхазии, и я сталкивался с ним. У него еще младший в команде КВН Еревана был.

– Да... Ты представляешь, он женился на профессорской дочке. Они родили троих детей. Были вполне счастливы, да еще Сусанна его ревновала, если он задерживался по делам службы.

– Слава, ты меня обижаешь... Это я про женщин.

– Извини, Саш, сейчас я это воспринимаю вполне адекватно. А тогда это сильно удивляло.

– Да таких примеров тысячи... И до поры до времени я тоже воспринимал людей с определенными отклонениями, как какую-то единую «массу» (мне, в силу своих проблем, возможно, допустить такое бестактное сравнение), не вникая в индивидуальные особенности. И желание пожалеть их бежало впереди меня.

– Да, это так, к сожалению, мы часто занимаемся благотворительностью, да что там, просто лезем с ней в душу к человеку, не понимая, что своей жалостью оскорбляем.

– Ну да, благими намерениями...

– У меня была очень поучительная история, которая открыла мне глаза на многие аспекты взаимоотношений людей.

Городок N-ск. Очередной концерт. Хороший прием зрителей. А после концерта мне передают конверт со стихами местного поэта. Это для меня уже достаточно привычная практика. И я забираю стихи, пообещав в гостинице посмотреть их. В номере я вскрыл конверт. Прочитав стихи, я отметил, что это неплохо, даже хорошо. Я взял гитару и практически с листа спел эти строчки. Жена, которая была со мной в этой поездке, отметила, что песня складная получилась, и попросила запомнить ее и не дорабатывать, чтобы не испортить. Я согласился и, обнаружив на листке со стихотворением телефон и имя автора, позвонил ему. На другом конце телефона ответил не очень внятный голос автора текста. Я пригласил его на завтрашний концерт. Он согласился... То, как он произносил слова, меня смутило, но я решил, что, может, он... В общем, неважно, что я решил. На следующий день во время концерта, я взял бумажку с текстом, прикрепил ее к стойке микрофона и, сказав какие-то дежурные слова, что это мой подарок и что песня написана на стихи жителя города N-ск, спел песню. После аплодисментов я решил зрительный зал познакомить с автором текста.

– В нашем зале находится...

Когда я закончил представление автора, я попросил его встать. Через небольшую паузу автора подняли на руках. Он был неходячим. После концерта мы познакомились. Обычно в прессе пишут в таких случаях, что из этических соображений имя героя изменено. Я тоже назову его вымышленным именем. Пусть его зовут Петр. Мы поулыбались друг другу, я похвалил его поэтический дар и обещал помочь, чем смогу. Утром мы улетели в Москву.

Действительно, мои друзья оценили его стихи, а песню я регулярно пел в своих концертах. Но что такое один концерт по сравнению с телевизионной передачей – укусы комара.

А в это время приятельница нашей семьи Ира Маслова делала на одном из центральных телеканалов программу «Белая ворона». Она и ее редакторы разыскивали странных, не от мира сего людей, без которых наша жизнь была бы пресной. И тогда я ей поведал про Петра из города N-ска.

– Так это мой персонаж! Тащи его ко мне.

– В этом вся проблема. Сам он не долетит, а сопровождение, да и билеты для Петра и его помощников будут стоить денег.

– Да, проблема, – молвила Ирка, – я утону в бумажках, которые нужно написать и подписать. Давай я сниму тебя, и ты расскажешь о Петре и споешь вашу песню.

– Договорились.

Я снялся в «Белой вороне». Видели все. Тогда не было такого количества каналов, да и имя мое весило. Кроме того, я был не просто певцом, а почти репортером. Могу засвидетельствовать, что подача материала была такова, что через год на гастролях в Израиле ко мне после очередного концерта подошла женщина со своим сыном-подростком, у которого были проблемы со зрением, и благодарила нас за то, что после передачи у ее ребенка появились ориентиры в жизни и он стал бороться.

А Петр вскоре на волне своего успеха сделал музыкально-поэтическую композицию вместе со своим приятелем, который придумал музыку (да-да, именно музыку) к его стихам и иногда пел эти песни под собственный аккомпанемент. Петр находился рядом в инвалидном кресле и меладикламирал под гитарные переборы своего соавтора. Плохая дикция Петра не улучшала восприятия записи на VHS. Петр меня просто обязал, позвонив по телефону, чтобы я все это показал редакции телевидения. Я пообещал это сделать... И пошел к редактору «Шире круг» Ольге Молчановой.

– Оля, я все понимаю, но может быть...

– Даже, если, любя тебя, я бы пропустила эту пленку в эфир, начальство все это зарубит на корню. Эта так слабо...

– Я понимаю.

– Да ничего ты не понимаешь. Телевидение – это прежде всего идеологическая машина. Сейчас в стране жрать нечего, людей анекдотами и веселухой пытаются отвлечь от быта... А ты хочешь загнать зрителей туда, откуда они не смогут выбраться.

– А может, если они увидят, что кому-то хуже, чем им, люди расправят плечи?

– Ага, расправят... Если бы еще это было качественно. А то это самодеятельность детского сада.

– Но стихи-то неплохие...

– Отдельно, да. Но ты предлагаешь... В общем, все, закончили.

И мы закончили. Но Петр отнюдь не закончил. И его упертость еще сожрет много моих нервов. «Не делай добра, не получишь зла...»

Прошла пара месяцев. Звонок из N-ска.

– Слава, привет. Вы мне должны помочь.

– Что за проблема?

– Жизнь меня пошерстила, теперь я должен пошерстить ее. Вы должны прислать мне приглашение от «Театра песни Пугачевой», что она вызывает меня в Москву на конкурс.

– А какое отношение я имею к театру Пугачевой?! И потом, я ни о каком конкурсе не слышал.

– Да нет... Мне просто нужно письмо на бланке с печатью, чтобы меня послали в Москву и спонсоры оплатили мои расходы на перелет и проживание в гостинице.

– А моего имени тебе не хватит? Я придумаю что-нибудь.

– Я жду.

И я начал думать. Всемирный, вернее всепланетарный поэтический конгресс, на котором выступит всеми любимым поэт из N-ска, по-моему, звучал солидно. Кроме того, я понимал, что Петр уже достал своих богатеев, и они готовы его отправить хоть на Луну, лишь бы была возможность отчитаться. Да, еще можно и грехи замолить, совершив благое дело.

Я уже не помню, где взял бланк, но письмо было написано. Печать, что-то фиолетовое с надписью типа «уплачено», поставлена. И письмо было отправлено. Я победно отчитался по телефону, что все сделано, как просили. Самое удивительное, что бумага сослужила свою службу. В начале апреля Петр позвонил, что едет ставить на уши Москву. Я спросил, зачем в апреле, приезжай на майские праздники, вероятность поймать заинтересованные лица гораздо большая.

– Нет, Света Копылова может принять меня в апреле.

Я не знал, кто такая Копылова, и не догадывался еще, что она впоследствии станет одним из самых любимых моих соавторов, поэтому возмутился.

– А что, ты считаешь, что Копылова круче меня?

Петр растерялся и сказал, что приедет на майские. А у меня на майские были заделаны гастроли в Карловы Вары, поэтому я должен был вернуться в Москву 3 мая. Но, как порядочный человек, я узнал, что в варьете «Тройка», что в гостиничном комплексе «Орленок», будет сниматься праздничное шоу с участием целого ряда известных исполнителей. Я съездил в «Орленок» и за 25% от стоимости сумел забронировать номера Петру и его свите. Рассудил так, что удобно жить и «шерстить» Москву в одном месте. Обо всем этом я и доложил в N-ск.

Весенние Карловы Вары... Цветущий и благоухающий город, упоительный воздух, пиво, которое можно пить бесконечно, не уговаривая себя остановиться, нарядная толпа, в которой русская речь так же естественна, как и чешская; знакомые, которых встречаешь почему-то только за границей, и, конечно, удивительная легкость в душе, когда не нужно решать вопросов бытия. Инерции этого ощущения обычно хватало на несколько дней московской жизни. В этот раз, дабы не смазывать своих курортных ощущений, я хотел всплыть на поверхность через день после возвращения домой. Я знал, что Петр прилетел, но он же не один прилетел – с ним еще двое... Но блажен, кто верует. Автоответчик на моем московском телефоне под завязку был забит воплями Петра.

– Вячеслав, вы где? Я уже второй день в Москве!!!

И мне стало стыдно. Стыдно, что я здоров, стыдно, что я достаточно успешен, стыдно, что вернулся из Карловых Вар, обпившись лечебной минеральной водой. И я позвонил ему в гостиницу, а затем поехал туда, чтобы провести самостоятельную экскурсию по Москве. Но, оказывается, я нарушил планы делегации из города N-ска. Они собрались посетить Свету Копылову. Я спросил:

– Были вчера на съемке в «Тройке»?

– Да, были.

– Показали какие-то стихи кому-нибудь?

– Нет, а как мы без вас?

Я понял, что процесс «шерстения» столицы не обойдется без моего участия. Посмотрев на неубедительное лицо сопровождающего и его спутницы, я понял, что эти ребята рассматривают поездку в Москву, как возможность «на шару» оторваться и как на неожиданно свалившееся приключение. Я тяжело вздохнул, но подумал, что волшебные ароматы Карловых Вар вернуть в душе не удастся.

– Хорошо, вечером встречаемся, чтобы пойти на съемку.

Встретились, пошли... Я попросил у Петра тексты, к предполагаемым в будущем шляграм. Их было около десяти. Песни о любви поэту явно не дались. Во всяком случае, наша песня о доме, где описывались обычные человеческие ценности, та, которую мы совместно

придумали полгода назад, была явно удачнее. Не знаю, почему, вернее, догадываюсь, почему так получилось. Скорее всего истории и чувства, которые Петр еще не испытал, получились на бумаге слащавыми и фальшивыми – этикие сладенькие сопельки. Я попытался робко это объяснить Петру, но он меня не услышал. Мы пришли за кулисы. И Петр заявил мне, что хочет прочесть перед камерами стихи о Москве. Пообещав попробовать решить этот вопрос с редакторами, я удалился в артистическую.

– Вячеслав, мы готовы это прочесть сами, – сказали ведущие, – но пойдет ли это в эфир, решаем не мы.

Вернувшись к Петру и его спутникам, я рассказал о результатах своего похода.

– Нет, читать буду только я, – был ответ молодого поэта.

Я развел руками... Дальше, поразмыслив, кому бы показать стихи N-ского поэта, которые могут стать основой для будущей песни, выбрал две жертвы – Михаила Шуфутинского и Людмилу Рюмину. Не помню, что я плел, но экземпляры стихов были оставлены в двух грим-уборных. На душе было тоскливо и было какое-то ощущение неправильности того, что я делаю. Скорее, следуя внутреннему импульсу, чем разуму, я вернулся в комнату к Шуфутинскому:

– Миша, извини, я переложил свои проблемы на твои плечи, не бери в голову, я сам разберусь во всем... Еще раз, извини...

К Рюминой я не успел подойти с извинениями, и она уже сердобольно объясняла Петру, почему эта песня ей не подходит. Первая попытка «пошерстить» Москву провалилась. Оказывается, Москва не только слезам не верит, но и не любит, когда ее против шерсти... Мы разошлись по домам.

На следующий день у меня были какие-то дела, и я отпросился у Петра и его секьюрити до послезавтра. Но как я был наивен! Вечером, когда я вернулся домой, то обнаружил п-чан в своей квартире в полном составе. Жена мрачно блеснула глазами и отправилась в спальню. Как выяснилось, Москва и в этот день не сдалась на милость победителям, хотя, может, она, то есть Москва, и не знала, что ее победили. Я чувствовал себя неуютно от этого «бессмысленного» упорства столицы. Что-то похожее на то, будто бы я для дорогого гостя пригласил девушек, которые по законам гостеприимства должны ублажать его, а они... Как-то не так провел я политработу на ниве творчества.

– Вячеслав, вот вы говорили, что вам понравилось одно из присланных мной стихотворений и что вы написали новую песню.

– Да, – ответил я, судорожно вспоминая, где же лежит стопка стихов Петра. Слава Богу, вспомнил. Я вытащил из ящика стола стихи, взял гитару и с ходу с листа придумал и спел одно из стихотворений. Что получилось, я не помню, но помню впечатление и почти «ритуальный танец» Петра в инвалидной коляске. Он был в восторге и рассуждал о месте нашей песни в грядущем хит-параде.

– Слава, заканчивайте, Пете надо спать. Он прилетел с востока и там сейчас глубокая ночь, – был тактичный приговор моей жены.

Я немного покочевряжился и вызвал такси, пообещав завтра устроить экскурсию по Москве.

Меня откровенно начали напрягать мои миссионерские обязанности, но я понимал, что вляпался, и не знал, как мне выкарабкаться из этой истории, сохранив лицо.

Ночью, часа через два – два с половиной раздались телефонные звонки, и автоответчик голосом Петра начал требовать, чтобы я снял трубку.

– Я умираю, Вячеслав, помогите мне, – зывал автоответчик.

– Лежи, – молвила жена, – и не снимай трубку. Если ты ее снимешь, то рванешь его спасать... У него есть этот парень с девушкой, они для этого и приехали...

Я послушал женщину и делать наоборот не стал.

В 17.00 следующего дня я в автомобиле ждал своих сиятельных гостей, чтобы покатасть их по столице. Москва тогда еще не была знакома с пробками, и мы поехали.

– Хотите ли вы попасть на Ваганьковское кладбище и поклониться Игорю Талькову, Владимиру Высоцкому, Андрею Миронову?

Ответ был положительным. Но когда мы подъехали к воротам Ваганьковского, последние посетители покидали кладбище, и туда никого не пускали. Я подошел к пьяненькому охраннику, дал ему денег, и он согласился пустить нас и даже, узнав меня, обещал показать еще что-нибудь интересное. Во время экскурсии, а Петра его сопровождающий вез на коляске, охранник проникся к нашей компании и хотел вернуть мне деньги. После небольшого препирательства решили деньги отдать Петру.

– А хотите я вас отведу к могиле Есенина?

– Конечно, хотим.

– Только там до сих пор после закрытия кладбища тусуются бомжи. Представляете, до сих пор люди на могилке оставляют водку, закуску, и даже лафитники там есть...

Мы подошли к могиле Есенина. Встали, помолчали... И вдруг, наверное, поняв, что мы не из милиции, из-за кустов, из-за соседних памятников вышло несколько человек: мужчины и женщины. Не очень трезвые, но в сознании, колоритно одетые и совершенно неагрессивные... Они узнали меня и спросили, кто со мной... Я рассказал, что это Петр – поэт из города N-ска.

– Почему вы здесь? – спросил я.

– А где нам быть? А потом здесь можно что-то съесть и выпить. Знаешь, на Ваганькове, рядом с Сережей мы себя еще чувствуем людьми.

И вдруг этот человек начал читать стихи Есенина. И, читая, он преобразился, и мы забыли, что это бомж, что этот бич (бывший интеллигентный человек), и в конце стихотворения зааплодировали. Наш чтец скромно поклонился. Затем он взял бутылку водки на могилке, разлил по посуде и предложил выпить.

Я отказался, сославшись, что за рулем. Остальные, не помню пил ли Петр, пригубили за Сережу.

– А Петр нам может что-то прочесть?

– Хорошо, – сказал он.

Он начал читать. От волнения он заикался, и у него появился нервный тик на лице. Я уже отошел от чтения бомжа и наблюдал за происходящим взглядом постороннего. Это была нереальная сцена, которая украсила бы фильмы Хичкока. Наконец наш импровизированный концерт окончился.

– Ну что, по коням?

И мы отправились в путь, поблагодарив обитателей кладбища за неординарное приключение. Следующим пунктом моей экскурсионной программы была смотровая площадка на Ленинских горах.

Страшный дождь с грозой обрушился на Москву и на мою машину, когда мы добрались до места. Я плел что-то про удивительные виды, которые открываются... А дождь не унимался.

– Вячеслав, завтра мы должны собрать творческую интеллигенцию страны, и я им почитаю свои стихи.

От неожиданности я растерялся, а потом, даже помня о проблемах здоровья Петра, вскипел:

– Откуда это, интересно, я смогу собрать творческую интеллигенцию? Завтра, если хочешь, смогу тебе устроить встречу со своим соавтором А. Смогулом.

– Хорошо, завтра со Смогулом, а потом с интеллигенцией.

Я выиграл время...

– Договорились, сейчас звоню Смогулу, – сказал я и набрал номер Александра.

В двух словах я объяснил ему ситуацию, и мой друг неожиданно резко ответил:

– Слабóк, знаешь, я этих Ломоносовых, которые с рыбным обозом приходили покорять Москву, сколько видел?

– Он способный...

– А я неспособный? Я вообще светоч грез твоих...

– У него проблемы со здоровьем...

– А ты помнишь, что я инвалид первой группы по зрению? У него есть кто-то в Москве?

– Есть, Света Копылова.

– Кто это?

– Актриса Театра Маяковского и поэтесса.

– Пусть она его усыновит... А ты забей на это. Я тебя не узнаю... Короче, завтра пусть он мне звонит, и я ему, как инвалид инвалиду, все объясню. – Под аккомпанемент дождя Смогул поставил точку, вернее, даже тройной восклицательный знак.

Я отвез гостей в гостиницу и взял очередной тайм-аут, так как назавтра должна была состояться встреча двух поэтов, двух гениев, двух современников.

Что они уж там решали, как объяснялись, ни Петр, ни Смогул мне не поведали. Единственная фраза Смогула была: «Он все понял».

А я в этот день встретился со своим соседом по даче Казбеком. Он был моложе меня, но мудрость, а может, он просто другие книжки читал, подкупала меня в нем с первого дня знакомства. Он ингуш и мусульманин по вероисповеданию. На вопрос Казбека, почему я такой загруженный, я поведал свою историю про «шерстение» Москвы и пожаловался, что дискомфорт в душе полный.

– А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому что ты со своей дурацкой благотворительностью подменяешь Бога.

– Не понял...

– А что тут не понять? Понимаешь, его проблемы со здоровьем – это его наказание за грехи в прошлой жизни, и он в это свое пришествие должен их отработать, а ты все время пытаешься облегчить его существование и поэтому Аллах тебя все время «бьет по рукам». Общайся с ним как с нормальным человеком, забудь, что он инвалид. Ты же своему Смогулу не засыпаешь все лужи, когда он к нам приезжает на дачу, и помогаешь ему эту лужу обойти, когда он тебя попросит. Вот у вас в христианстве милостыню дают, кто просит, помогите, ради Христа...

И мне полегчало... И не мучил я больше песнями на стихи Петра редакторов и зрителей. А песня про «дом» до сих пор у меня в репертуаре, и я ее иногда пою в концерте.

Когда я Смогулу прочитал эту главу и сказал, что получилось окончание в главе про него такое же, как в главе и про Петра, Саша сказал:

– А чего? Ты же действительно поешь, а не показываешь фокусы, а песня про «дом» и вправду неплохая.

– А может быть, зря его мы тогда так?

– Да нет, он бы приехал к тебе и стал бы с вами жить. Танька была бы счастлива. И запомни, Слава, инвалидность не орден Ленина и не нужно на ней всю жизнь ездить.

Охота

— Вчера я наткнулась на одну передачу про охоту... Про охоту где-то в экваториальной, а может быть, даже Южной Африке, — сменила тему нашего разговора хорошенькая подруга моего сына... Разговора, который к этому моменту начал изрядно буксовать. — Представляете, очень благообразный дядечка с седой бородой, с отточенными манерами и явно уверенный в себе утверждал, что охота на редких, порой даже вымирающих животных, которую он называл трофейной, есть благо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.